

НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОЛГАТЬ

ВЛАД ВЕЛИРСКИЙ

Влад Велирский

Невозможность солгать

«Автор»

2026

Велирский В.

Невозможность солгать / В. Велирский — «Автор», 2026

Илья Воронцов пережил экспериментальную нейростимуляцию и теперь способен произносить лишь то, что сам считает ложью. Когда из закрытого Центра восстановительной речи исчезает врач, специалист по альтернативной коммуникации Марина Левченко пытается превратить невозможную речь Ильи в улику. Но каждый вопрос навязывает границы ответа, а у самой Марины есть тайна, связанная с запрещённым ночным сеансом. Исчезновение выводит её к старому корпусу, закрытым архивам и гибели сотрудницы, обстоятельства которой годами подменяли удобным отчётом. Чтобы установить доказуемое и не присвоить чужой голос, Марине придётся отказаться от роли единственного переводчика — и признать, что право человека не отвечать важнее самой нужной правды.

© Велирский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Фраза без правды	6
Глава 2. Три границы	13
Глава 3. Комната наблюдения	18
Глава 4. Красная карточка	26
Глава 5. Ложное имя	31
Глава 6. Пустой час	37
Глава 7. Человек в лифте	41
Глава 8. Цена программы	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Влад Велирский

Невозможность солгать

От автора

В этой истории ложь — не противоположность правды и не удобная маска. Это единственная дверь, через которую человек ещё способен выпустить наружу собственную мысль. Но дверь ведёт не прямо: значение каждого ответа зависит от времени, границ вопроса и того, во что отвечающий верит в эту секунду.

«Невозможность солгать» — психологический детектив о цене принуждения к откровенности. Его загадка устроена честно: важные формулировки, жесты и несовпадения появляются раньше разгадки. Их можно заметить, но нельзя безопасно свести к механическому правилу «скажи наоборот». Чем точнее герои пытаются добыть истину, тем заметнее становится власть того, кто задаёт вопрос.

Медицинский центр, нарушение речи и описанные методы вымышлены. Они нужны не для утверждений о реальной неврологии, а для предельной ситуации, в которой право молчать оказывается не препятствием расследованию, а условием человеческого достоинства.

Эту книгу лучше читать, прислушиваясь не только к ответам, но и к тому, кто выбирает слова вопроса.

Глава 1. Фраза без правды

Первое сообщение от доктора Соколова пришло Марине в 06:12 и состояло из одного слова: «Позвони».

Второе, отправленное через четыре минуты, было длиннее: «Если не отвечу, не позволяй им задавать Илье вопросы».

К восьми утра Соколов не ответил ни ей, ни дежурному Центра, ни полиции. К десяти его машина нашлась на служебной стоянке, кабинет — открытым, телефон — в нижнем ящике письменного стола. В 13:40 Марина увидела за стеклом переговорной Илью Воронцова, а директор Центра произнёс:

— Нам нужно узнать, жив ли Соколов.

Арсений Громов не предложил ей снять пальто. За его спиной серый снег прилипал к узким окнам внутреннего двора, и от этого белые стены переговорной казались не чистыми, а выставшими. На столе лежали три одинаковые папки, выровненные по краю. Четвёртое место занимал планшет с открытым протоколом речевой сессии.

— Полиция уже спрашивала Илью? — уточнила Марина.

— Пока нет. Я добился отсрочки до вашего приезда.

— Добились или не допустили?

Громов посмотрел на неё поверх очков. Он постарел за год не лицом — голосом. Раньше каждую фразу он заканчивал так, будто ставил подпись. Теперь окончания становились тише, оставляя собеседнику работу додумывать самому.

— Инспектор хотел провести обычный опрос. Я объяснил, что обычный опрос даст непредсказуемый результат.

— Предсказуемо плохой.

— Поэтому вы здесь.

Марина положила телефон экраном вниз. Сообщения Соколова она не показывала. Пока не показывала, поправила себя она: слово «пока» оставляло решению обратный путь.

За стеклом Илья сидел боком к двери. Тридцать один год, коротко остриженные тёмные волосы, синяя рубашка без пуговиц — магнитные застёжки разрешали медсёстрам не проверять после каждого сеанса, не спрятал ли он под одеждой провод. На правом виске светился крошечный зелёный индикатор наружного блока стимулятора. Руки лежали на коленях, ладонями вверх. Не жест покорности. Просто так камеры видели пальцы.

Год назад Марина сама внесла эту позу в протокол.

Она подошла ближе к стеклу. Илья не поднял головы, но левый указательный палец один раз согнулся. Он заметил её.

— Кто уже сообщил ему об исчезновении? — спросила она.

— Никто не сообщал.

— Вы проверили?

— Он не покидал наблюдаемую зону. Сотрудникам запрещено обсуждать происшествие в его присутствии.

— Это не ответ.

Громов подвинул верхнюю папку.

— Записи камер с полуночи. Журнал доступа. Дежурные дали письменные объяснения. Илья не мог узнать официально.

— Официально — хорошая оговорка.

— Марина, человек исчез. Вы можете позже искать недостатки формулировок.

— Здесь недостаток формулировки и есть то, что может уничтожить ответ.

Он выдержал паузу, затем коснулся планшета. На экране появилась таблица с четырьмя столбцами: время, стимул, попытка речи, блок. Строки за утро были зелёными и красными. Зелёный означал произнесённую фразу. Красный — импульс, остановленный до артикуляции.

— Базовый тест провели в одиннадцать, — сказал Громов. — Без вопросов о Соколове. Система работает штатно.

— Кто проводил?

— Крылова.

— Она входила к Илье после того, как узнала об исчезновении?

— Да, но не говорила о нём.

— Взгляд, темп, пропущенная процедура, чужой пропуск на её халате — информация не исчерпывается словами.

— Вы предлагаете считать, что пациент знает всё?

— Я предлагаю не считать, будто мы знаем, что знает пациент.

В коридоре за их спинами хлопнула тяжёлая дверь. Охранник провёл к кабинету администрации мужчину в мокрой куртке. Тот успел повернуть голову к стеклу; Марина узнала капитана Романова, который дважды звонил ей по дороге. Громов тоже его увидел.

— У нас пятнадцать минут, — сказал он. — Потом полиция получит право задавать вопросы сама.

— Право от кого?

— От следователя. И согласие представителя Ильи у них будет.

— Дарьи здесь нет.

— Она едет.

Марина сняла пальто и повесила его на спинку стула. В кармане остался блокнот, которым она пользовалась во время первых испытаний. Она не брала его год, но утром, прочитав сообщение Соколова, нашла на нижней полке. На обложке проступило круглое пятно от чашки. Внутри, на первой странице, её рукой было написано: «Не извлекать ответ. Создавать возможность выбора».

Последнее слово когда-то было дважды подчёркнуто.

— Мне нужен базовый набор Крыловой, — сказала она. — Дословно, вместе с инструкцией.

Громов открыл нужный файл.

Тест состоял из пяти утверждений, на которые Илья должен был ответить повторением. «Сейчас ночь». Произнесено. «Вы находитесь на улице». Произнесено. «На столе стоит синяя чашка» — красный блок: чашка действительно была синей. «Вас зовут Сергей». Произнесено. «Дважды два — четыре» — красный блок.

— Чисто, — сказал Громов.

— Нет.

— Что именно?

— Мы не знаем, считает ли он это проверкой или разговором. Не знаем, относится ли «сейчас» к началу фразы или к моменту повторения. Не знаем, видит ли он чашку синей при этом свете. Но для грубой проверки достаточно: очевидно истинные для него фразы блокируются, очевидно ложные проходят.

— Значит, можно спросить.

— Значит, устройство сегодня ведёт себя так же, как утром. Это всё.

Громов отступил от стола и открыл дверь в наблюдательную. Холодный воздух ударил Марине в лицо. Температуру здесь держали ниже обычной: аппаратура грелась, а Илья после сеансов жаловался на жар. Он посмотрел прямо на неё. Никакого удивления. Только пальцы на правой руке сомкнулись один раз — знак окончания ожидания, который они придумали в первые недели.

Марина остановилась на пороге.

— Здравствуй, Илья.

— Мы не встречались, — ответил он.

Голос оказался ниже, чем она помнила, и ровнее. Фраза прошла без задержки.

Громов тихо выдохнул у неё за плечом. Для него это было подтверждением контакта. Для Марины — ножом, который ещё не коснулся кожи. Чтобы фраза была разрешена, Илья должен был считать её ложной. Он помнил её.

— Я сяду здесь, — сказала она и указала на стул в двух метрах от него. — Это не вопрос.

— Вы стоите далеко.

Она села. На экране у стены зелёная линия речевой активности вернулась к нулю.

— Я не буду просить тебя повторять мои слова. Я скажу, что мне известно, а потом предложу варианты. Можно отвечать голосом, жестом или не отвечать.

Илья взглянул на её пустые руки.

— У вас красная карточка.

— У меня её нет.

Он произнёс это легко, значит, видел или ожидал карточку. Марина перевела взгляд на край стола. Из-под планшета выступал угол плотной красной бумаги. Кто-то спрятал её так, чтобы Илья видел, а входящий — нет.

Она вытащила карточку и положила перед ним.

— Теперь она у тебя. Ты можешь поднять её вместо ответа.

— Это приказ.

— Нет. Это возможность.

Он открыл рот. На экране вспыхнул красный прямоугольник, а из горла не вышло ни звука. «Это возможность» оказалось для него правдой, которую он пытался повторить или подтвердить. Марина не позволила себе улыбнуться. Любая радость наблюдателя превращала его усилие в удачный опыт над объектом.

— Доктор Соколов сегодня не пришёл на работу, — продолжила она. — Его ищут. Я не знаю, известно ли тебе что-нибудь об этом. Я не стану спрашивать, где он.

Илья посмотрел на стекло, за которым стоял Громов. С той стороны оно казалось зеркалом, но Илья всегда точно находил взглядом директора. Возможно, замечал слабое отражение индикатора на его часах. Возможно, запомнил, где тот предпочитал вставать.

— Его никто не ищет, — сказал Илья.

Марина услышала, как за стеклом передвинули стул.

— Фраза зарегистрирована, — произнесла она. — Я не буду объяснять её за тебя.

— Вы объяснили.

— Тогда уточню свою часть. Я считаю, что Соколова ищут. Ты произнёс обратное. Это сообщает мне только о твоём убеждении в момент речи, а не о местонахождении Соколова.

Илья опустил глаза на карточку. Большим пальцем провёл по её краю. Раньше карточки ламинировали, и пластик скользил. Эта была из обычного картона и цеплялась за кожу бумажной пылью.

— Он уехал один? — спросил Громов через переговорное устройство.

Марина обернулась.

— Отключите канал.

— У нас нет времени.

Илья взял красную карточку, но не поднял. Его пальцы сжали её поперёк. Картон выгнулся.

— Арсений, отключите канал сейчас.

Щёлкнул динамик. Фоновое шипение пропало.

Илья разгладил карточку ладонью.

— Он уехал не один, — сказал он.

Марина ничего не записала. Если Илья ответил на услышанный вопрос, фраза означала лишь, что он не верил в одиночный отъезд. Если он продолжал её слова о поисках — другое. Если под «он» понимал не Соколова — третье. Громов за стеклом уже говорил кому-то по телефону, закрыв микрофон ладонью.

— Я услышала две фразы, — сказала Марина. — «Его никто не ищет» и «Он уехал не один». Я не буду соединять их без твоего согласия.

Илья поднял голову.

— Вы всегда соединяете.

На слове «всегда» зелёная линия вздрогнула сильнее. Никакого блока.

Год назад Марина учила его разбивать категории. Если вопрос был «В комнате был врач?», нельзя было считать, что слово «врач» обозначает только сотрудника в белом халате. Если спрашивали «Ты видел Соколова после десяти?», нужно было отделить физическое зрение от изображения на мониторе и «после десяти утра» от времени после десяти вечера. Тогда это называлось защитой от принуждения. Потом Соколов назвал упражнения тренировкой уклонения и закрыл протокол.

Марина ушла из Центра через неделю.

— Раньше соединяла, — сказала она.

Красный блок вспыхнул прежде, чем Илья сумел ответить. Он резко втянул воздух. Мышцы под челюстью напряглись, будто он пытался проглотить слишком большую таблетку.

Марина встала, но не приблизилась.

— Пауза. Никаких вопросов.

В стене открылось окошко, дежурная медсестра просунула пластиковый стакан воды. Илья не взял его. Он смотрел на Марину с яростью, которой не было при её появлении.

— Устройство причинило боль? — спросила медсестра.

— Мне приятно, — сказал Илья.

Медсестра отметила ответ на своём экране. Марина заметила фамилию на бейдже: Крылова. Та самая, что проводила утренний тест.

— Шкала боли, — сказала Крылова. — Ноль означает отсутствие, десять — наибольшую...

— Не надо, — перебила Марина. — При отрицательной речи шкала без отдельной калибровки бессмысленна.

— Мы используем стандартный протокол.

— Который заставляет его выбрать ложное число. Чем точнее он знает уровень боли, тем дальше ответ должен быть от него — но не обязательно в одну сторону.

Крылова посмотрела на Громова за стеклом. Потом убрала стакан в окошко, но створку не закрыла.

— Я могу вызвать врача.

Илья постучал красной карточкой по столу один раз.

— Он отказался, — сказала Марина.

— Карточка не входит в действующий протокол, — возразила Крылова.

— Теперь входит в эту беседу.

— Вы не можете менять процедуру без допуска.

— Тогда прекратите процедуру.

Дверь открылась прежде, чем медсестра ответила. Громов вошёл вместе с капитаном Романовым. Капитан снял мокрую куртку, но плечи рубашки потемнели от растаявшего снега. В руке он держал тонкую папку и прозрачный пакет с телефоном Соколова.

— Марина Андреевна, — начал он, — мне сказали, контакт установлен.

Илья повернулся к нему.

— Вы не из полиции.

Романов остановился. Его взгляд переместился с Ильи на зелёный индикатор, потом на экран регистрации.

— Это и есть... результат?

— Это высказывание, — ответила Марина. — Результатом оно станет только после того, как мы установим, кого он считает полицейским и что знает о вас.

— Моё удостоверение можно показать.

— Оно подтвердит должность нам. Не обязательно изменит его убеждение.

Романов положил папку на край стола. В отличие от Громова, он не пытался выглядеть спокойным. Осматривал комнату, аппаратуру, окошко, положение камер. Считал выходы.

— Хорошо. Начнём с простого. Доктор Соколов жив?

— Нет, — сказала Марина.

— Я не вам задал вопрос.

— А рамку создали для всех. Что значит «жив»? Сейчас? В момент, когда Илья видел его последним? Клинически? В бытовом смысле? Вы хотите получить короткую фразу и назвать её уликой, но не знаете, на какой вопрос она будет ответом.

— Человек либо жив, либо мёртв.

— Для вашего расследования — да. Для речевого теста есть время, знание и значение слова.

— У нас пропал врач. У нас нет роскоши философствовать.

— Именно поэтому нельзя тратить время на ответ, который вам понравится.

Илья медленно отложил карточку. Посмотрел сначала на Романова, затем на Марину. На его лице появилось выражение, которого она не видела раньше: не страх перед вопросом, а решение вмешаться в спор тех, кто уже поделил право толковать его слова.

— Соколов жив, — произнёс он.

В комнате стало слышно вентиляцию.

На экране строка окрасилась зелёным. Фраза прошла полностью, без зарегистрированной попытки блока.

Романов первым посмотрел на Громова.

— Значит, он считает, что Соколов мёртв?

— Вероятно, — сказал директор.

— Нет, — одновременно произнесла Марина.

Капитан нахмурился.

— Вы только что объяснили принцип.

— Принцип не даёт права добавлять отсутствующие условия. Мы знаем, что в момент речи Илья счёл ложным предложение, которое произнёс. Мы ещё не знаем, кого он обозначил фамилией, какое время подразумевал и не повторил ли чужую формулировку как последовательность звуков.

— Он понимает речь?

Илья усмехнулся.

— Я ничего не понимаю.

— Понимает, — сказал Громов. — Когнитивные показатели сохранены.

— Тогда что мешает задать уточнения?

Марина посмотрела на красную карточку. Илья тоже посмотрел на неё, но не поднял.

— Его согласие, — ответила она.

Романов постучал пальцем по пакету с телефоном.

— У меня человек, исчезнувший при неясных обстоятельствах. Возможное преступление. Свидетель только что сообщил, что считает его мёртвым.

— Это вы сообщили. Свидетель произнёс другую фразу.

— В протоколе будет отражено дословно.

— А рядом — ваша интерпретация, которая к вечеру станет фактом для всей группы.

Громов закрыл дверь в коридор.

— Нам всем нужна одна вещь, — сказал он. — Найти Соколова. Марина, проведите калибровку термина. Капитан получит ответ, Илья — корректную процедуру.

Предложение звучало разумно. Именно так Громов обычно и забирал власть: превращал отказ в недостаточно хорошо оформленное согласие.

Марина снова села.

— Илья, я предложу правила. Если согласен продолжить, не говори. Положи ладонь на стол. Если не согласен, подними карточку. Если ни один вариант не подходит, ничего не делай.

— Молчание означает согласие? — спросил Романов.

— Нет. Ладонь означает согласие.

Илья держал руки на коленях. Десять секунд. Пятнадцать. Громов перестал смотреть на часы только после того, как Марина заметила это. На двадцать второй секунде Илья поднял красную карточку.

— Сессия окончена, — сказала Марина.

— Он может знать, что Соколов мёртв, — возразил Романов.

— Может.

— И вы позволите ему уйти?

— Он уже ответил на это карточкой.

Илья встал сам. Крылова открыла внутреннюю дверь и отступила, освобождая проход. Когда он поравнялся с Мариной, зелёный индикатор на виске на секунду погас. Обычное переключение между комнатными передатчиками. Но Илья замедлил шаг именно в эту секунду и почти беззвучно сказал:

— Вы не получили сообщение.

Индикатор загорелся снова.

Крылова ничего не заметила. Романов спорил с Громовым у стола. Марина смотрела вслед Илье, пока внутренняя дверь не закрылась.

Фраза прошла в момент разрыва телеметрии и не появилась на настенном экране. Илья мог говорить ложь и при включённом устройстве. Отключение понадобилось ему не для речи, а для того, чтобы Центр не сохранил запись.

«Вы не получили сообщение».

Он мог иметь в виду утреннее сообщение Соколова. Мог говорить о другом сообщении, которого она действительно не получала, — тогда фраза была бы правдивой и должна была заблокироваться. Значит, либо он ошибался, либо называл сообщением что-то конкретное, уже оказавшееся у неё.

Марина перевернула лежавший экраном вниз телефон.

Новых уведомлений не было.

Зато под прозрачным пакетом с телефоном Соколова она увидела край бумажной полоски. Романов, заметив её взгляд, поднял пакет. На столе остался оторванный фрагмент распечатки речевого журнала. Время — 02:17. Поле «стимул» было пустым. Поле «ответ» содержало четыре слова:

«Марина сюда не вернётся».

— Это откуда? — спросила она.

Романов выдернул полоску из-под её пальцев.

— Приложение к материалам.

— Сегодня в 02:17 Илья был в речевой лаборатории?

Громов не ответил.

На стенном планшете Марина открыла утренний журнал. Самая ранняя строка начиналась в 07:00.

— Где ночная сессия?

— Ночной сессии не было, — сказал Громов.

Илья только что предупредил её не о сообщении Соколова.

Он предупредил, что кто-то уже удалил его собственное.

Глава 2. Три границы

Громов забрал планшет из рук Марины и погасил экран.

— Ночной сессии не было, — повторил он. — Строка могла попасть в распечатку из тестовой базы.

— С именем Ильи, сегодняшней датой и временем 02:17?

— Вы видели обрывок, а не заголовок.

Романов развернул бумажную полоску. Верхний край был отрезан ровно, нижний оборван вместе с половиной следующей строки. Ни имени пациента, ни даты на фрагменте действительно не осталось.

— Где вы её взяли? — спросила Марина.

— В кабинете Соколова. На полу у шредера.

Громов повернулся к капитану.

— Вы сказали, кабинет был опечатан.

— После осмотра. И нет, это не означает, что я признаю бумагу подлинной.

— Но вы принесли её сюда, — сказала Марина.

— Хотел сравнить формат.

— Сравнили?

Романов перевёл взгляд на погашенный планшет.

— Пока мне мешают.

За дверью наблюдательной Крылова ждала распоряжения. Через маленькое окно было видно, как Илья идёт по коридору к жилому крылу. Красную карточку он нёс открыто. Сотрудник охраны потянулся было к ней, но медсестра остановила его жестом.

— Мне нужен доступ к тестовой комнате и набор предметов, — сказала Марина. — Без Ильи. Я покажу капитану, почему фраза «Соколов жив» не равна сообщению о смерти.

— Мы уже потратили на это достаточно времени, — ответил Громов.

— Тогда Романов запишет вашу интерпретацию как единственную предложенную Центром. И добавит, что вы отказались проверить её границы.

Капитан не поддержал Марину вслух. Просто открыл папку и щёлкнул ручкой.

Громов посмотрел на неё так, будто она разбила прибор, который он собирался продать комиссии.

— Десять минут.

Тестовая комната находилась через два коридора. В ней не было стеклянной стены, только потолочная камера и длинный стол с ящиками. Марина помнила содержимое: геометрические фигуры, карточки с цветами, фотографии предметов, часы с передвижными стрелками, коробки с двойным дном. Год назад всё это служило для восстановления категорий после травм. Теперь на каждом ящике появилась пломба Центра.

Крылова сняла три пломбы и включила запись.

— Испытуемого нет, — напомнила Марина. — Запись не нужна.

— Все действия с материалами регистрируются.

— Пусть. Поставьте на стол синюю чашку, красный куб и часы.

Крылова достала предметы. Романов остался у двери. Громов встал у камеры, заслонив собой мигающий индикатор.

Марина перевела стрелки часов на три.

— Первая граница — убеждение. Представьте, что я заранее убедила вас: часы спешат на час, хотя на самом деле они идут точно. Потом спрашиваю: «Сейчас три?» Вы смотрите на циферблат и считаете, что сейчас два. Фраза «сейчас три» для вас ложна и проходит, даже если фактическое время — три.

— Ошибочные сведения, — сказал Романов. — Понятно.

— Не только сведения. Память, угол обзора, доверие к источнику. Система не проверяет мир. Она реагирует на оценку говорящего.

Она перевела стрелки на четыре.

— Вторая граница — рамка. Если я спрошу: «Часы показывают три?», ответ относится к нынешнему положению стрелок. Если спрошу: «Часы показывали три?», без указания момента вариантов бесконечно много. Слово «жив» без времени создаёт ту же проблему. Илья мог соотнести его с последней встречей, с моментом вопроса или с будущим, если воспринял фразу как прогноз.

— Нормальный человек понимает подразумеваемое «сейчас», — сказал Громов.

— Нормальному человеку не приходится искать ложную фразу, чтобы вообще говорить. Илья вынужден замечать всё, что мы привыкли считать подразумеваемым.

Марина положила красный куб в синюю чашку.

— Третья граница — категория. Что сейчас на столе?

— Чашка, куб и часы, — ответил Романов.

— Куб на столе или в чашке?

— И там и там, если считать опору через предмет.

— Вот. «Соколов» может означать конкретного человека, фамилию в журнале, запись голоса, доктора как должность. «Жив» — биологическое состояние, отсутствие официального подтверждения смерти, работающий профиль в системе. Пока мы не знаем, какую категорию выбрал Илья, отрицание фразы ничего не выбирает за него.

Романов подошёл к столу и вынул куб из чашки.

— Вы способны получить однозначный ответ?

— Не всегда. Можно уменьшить неопределённость серией проверок, если Илья согласится и если условия не будут меняться между вопросами.

— Сколько вопросов?

— Для одного вывода — иногда десятки.

— А если он намеренно меняет определения?

— Тогда мы получим сведения о границах, которые он выбирает. Не обязательно о Соколове.

— Удобная система. Любой неудобный ответ можно объявить неоднозначным.

Марина взяла куб у него из руки.

— Не система удобная. Язык неудобный. Просто обычно собеседники добросовестно чинят неоднозначность по ходу разговора. Илья лишён такой возможности: правдивое уточнение блокируется.

Громов снял очки и протёр их краем халата.

— Вы закончили лекцию?

— Нет. Нужен контрольный опыт.

— С Ильёй вы сегодня больше не работаете.

— С вами.

Марина выставила на стол три закрытые коробки. В первую положила красный куб, во вторую — синюю карточку, третью оставила пустой. Громов видел её действия. Романову она велела отвернуться, а Крылову попросила переставить коробки после того, как директор закроет глаза.

— Теперь отвечайте только заведомой ложью, — сказала Марина Громову. — В какой коробке куб?

— В третьей.

— Что мы узнали? — спросила она Романова.

— Что не в третьей.

— Если он знает нумерацию так же, как мы. Если считает кубом именно красный предмет. Если видел перестановку. Если врёт по установленному правилу, а не пытается сорвать опыт. Даже при трёх коробках остаются первая и вторая. Ложь отсекает одно значение, но не выбирает противоположность.

— Илья сказал «жив». Значит, отсекается «жив», — возразил капитан.

— Отсекается конкретное предложение в конкретной интерпретации Ильи. Мы не знаем этой интерпретации.

Крылова перестала записывать. Она смотрела на коробки и, судя по выражению лица, впервые примеряла обычные утренние тесты к тому, что Марина сейчас показала.

— В базовом наборе есть вопрос «Вы находитесь в помещении», — сказала медсестра. — Он всегда блокируется.

— В наблюдательной?

— Да.

— А если он считает весь Центр одним помещением? Или только комнату? Пока результат совпадает, вы не видите разницы. Она проявится на границе — в дверном проёме, в лифте, между корпусами.

Крылова медленно кивнула.

Громов надел очки.

— Десять минут закончились.

— Тогда покажите полный журнал с 02:00 до 03:00, — сказала Марина.

— Полного журнала нет, потому что не было сессии.

— Покажите журнал состояния передатчиков.

— Это технические данные, содержащие сведения о пациентах.

— Мы можем отфильтровать идентификаторы.

— Нет.

Романов закрыл папку.

— Арсений Павлович, я запрошу данные официально.

— И получите после юридической проверки. Центр отвечает за медицинскую тайну.

— А за исчезновение сотрудника кто отвечает?

— Пока оно не признано связанным с деятельностью Центра.

Марина заметила, что Громов не сказал «Соколов не исчез». Не сказал «строка поддельна». Он строил отрицания вокруг полномочий и процедуры, оставляя самую опасную часть нетронутой.

— У вас сохранились тестовые базы? — спросила она.

— Разумеется.

— За какой срок?

— Согласно регламенту.

— За год?

Громов посмотрел на Крылову. Медсестра опустила глаза.

— Ваш договор с Центром прекращён, — сказал он Марине. — У вас нет основания запрашивать архив.

— Зато у вас было основание вызвать меня сегодня.

— Для консультации по текущему состоянию пациента. Она окончена.

Романов поднял пакет с телефоном Соколова.

— Мне всё ещё нужна письменная расшифровка сегодняшнего ответа.

— Вы получите стандартное заключение, — сказал Громов.

— Не получите, — возразила Марина. — Стандартного заключения для этого ответа не существует.

— Ваше мнение приложат отдельно.

Так Громов снова разделил комнату: Центр создаёт документ, Марина производит мнение. К вечеру первое ляжет в дело как основание, второе — как оговорка приглашённого специалиста.

Она собрала коробки, но красный куб оставила на столе.

— Капитан, задайте мне вопрос: куб в первой коробке?

— Зачем?

— Последняя проверка.

— Куб в первой коробке?

— Нет.

— Это правда. Он на столе.

— Теперь положите его в первую, но так, чтобы я не видела.

Романов дождался, пока она отвернётся. Зашуршал картон. Щёлкнула крышка.

— Куб в первой коробке? — повторил он.

— Нет.

— Теперь ложь.

— Одна и та же фраза, один и тот же мир, но разное моё знание. В первый раз я знала. Во второй угадала, оставаясь уверенной, что куб на столе. Фактически верное или ложное высказывание ничего не доказывает без убеждения говорящего.

— Вы сказали «нет» оба раза, — заметила Крылова.

— Потому что моя речь не блокируется. Илья во втором случае смог бы произнести фактически верную фразу, если бы ошибочно считал её ложной.

Романов открыл первую коробку. Она была пуста.

Во второй лежала синяя карточка. В третьей — красный куб.

— Я соврал, что переложил его в первую, — сказал капитан. — Хотел проверить ваше убеждение.

— И тем самым показали четвёртую переменную, — ответила Марина. — Добросовестность того, кто задаёт условия.

Громов резко повернулся к камере.

— Запись прекратить.

Красный огонёк под потолком погас.

— Почему? — спросил Романов.

— Потому что демонстрация вышла за рамки консультации.

— Или потому что в ней появился тот, кто управляет убеждением пациента? — сказала Марина.

Громов подошёл близко. От его халата пахло антисептиком и холодным табаком, хотя на территории Центра курить запрещали.

— Вы приехали сюда не ради Соколова.

— А вы вызвали меня не ради Ильи.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Романов ждал продолжения, но никто не дал ему новой фразы.

Громов отступил.

— Крылова, проводите Марину Андреевну к выходу. Доступ в наблюдательный блок закрыть. Капитану подготовить копию дневного журнала в пределах постановления.

— А строка 02:17? — спросил Романов.

— Не относится к дневному журналу.

Это была первая точная вещь, которую директор сказал о ней.

В коридоре Крылова шла на полшага впереди. У первой двери приложила карту, у второй ввела код, у третьей остановилась. На электронном замке горел жёлтый индикатор.

— Доступ уже закрыли, — сказала она.

— Быстро.

— Решение было в системе до распоряжения Арсения Павловича.

Марина посмотрела на время изменения допуска. 14:06. Тогда Илья ещё находился в наблюдательной, Романов не вошёл, а бумажная строка лежала под пакетом с телефоном.

— Кто внёс решение?

Крылова оглянулась на камеру.

— Я не вижу администратора.

— Видите. Просто не называете.

Медсестра приложила карту ещё раз. Замок пискнул отказом.

— В утреннем тесте, — тихо сказала она, — чашка сначала была белой.

— В журнале записано: синяя.

— В семь она была белой. В одиннадцать я взяла синюю, как указано в задании. Старую убрали.

— Кто изменил задание?

Крылова не ответила. Достала из кармана сложенный лист и сунула Марине между страниц блокнота.

— Я ничего вам не передавала.

Фраза была обычной ложью обычного человека. Ни индикатора, ни блока, ни зелёной строки на экране. И всё же Марина впервые за день сразу поняла, что именно она означает.

У выхода она раскрыла лист. Это была распечатка базового набора, созданная в 06:48. В третьем пункте значилось: «На столе стоит белая чашка».

Поверх строки синими чернилами Соколов написал: «Не менять предмет после ответа. Изменение мира нельзя выдавать за изменение убеждения».

Ниже стояла электронная отметка о редактировании задания в 10:53 — через несколько часов после исчезновения врача.

Администратор изменения был обозначен двумя буквами: «М. Л.».

Инициалами Марины Левченко.

Глава 3. Комната наблюдения

У проходной Марина не отдала временный пропуск.

Охранник протянул ладонь, не поднимая глаз от журнала.

— Директор распорядился закрыть мне наблюдательный блок, — сказала она. — Не территорию Центра.

— Ваш визит завершён.

— Тогда пусть это скажет капитан.

Романов вышел из внутреннего коридора через минуту. Папку он держал под мышкой, телефон Соколова — в прозрачном пакете. Увидев Марину у турникета, не удивился.

— Вы всегда спорите с охраной медицинских учреждений?

— Только когда охрана знает о моём отъезде раньше меня.

Она показала ему распечатку Крыловой. Не выпустила лист из рук, позволила прочесть строку про белую чашку и отметку «М. Л.».

— Откуда это?

— Нашла между страницами блокнота.

— Удобно.

— Удобно было бы получить оригинал из системы.

Романов ещё раз посмотрел на время редактирования.

— Вы меняли задание в десять пятьдесят три?

— В это время я была на въезде в город. Камеры трассы и мой телефон это подтвердят.

— Учётная запись ваша?

— Такие инициалы использовались в старой системе. Мою запись закрыли год назад.

— Почему закрыли?

Марина сложила лист по прежнему сгибу.

— Закончился договор.

Он заметил паузу. Не стал ловить её на ней сразу, и от этого пауза сделалась тяжелее.

— Мне нужен журнал доступов, — сказал Романов охраннику. — Не медицинские данные. Входы сотрудников, изменения прав, открытие дверей. С десяти утра до настоящего времени.

Охранник наконец поднял голову.

— Через администрацию.

— Я уже попросил администрацию. Теперь фиксирую сохранность данных до получения постановления.

— Я не могу вас пустить в серверную.

— И не прошу. Позовите того, кто может выгрузить журнал при мне.

Охранник позвонил. Говорил тихо, дважды употребил слово «настаивает», будто Романов добивался не сохранения служебных записей, а лишней порции в столовой. Потом положил трубку.

— Инженер будет в комнате наблюдения через пять минут. Марине Андреевне проход запрещён.

— Она приглашённый специалист по делу, — сказал Романов.

— Распоряжение директора.

Капитан достал из папки чистый лист.

— Назовите фамилию и должность. Я запишу, кто препятствует осмотру документа, на котором стоит её идентификатор.

Охранник посмотрел на камеру над турникетом. Щёлкнул кнопкой, и створки разошлись.

Комната наблюдения оказалась не той, где утром сидели Громов и Крылова. Она находилась этажом ниже, за дверью без таблички. Внутри было прохладно, пахло нагретой пылью. На стене висели двенадцать экранов: коридоры, лестницы, входы в корпуса. Ни одной палаты. Перед ними стояли два стола, и только один был занят.

Инженер Лебедев был моложе своего серого свитера и старше прыщей на подбородке. Он не предложил сесть.

— Директор разрешил показать события системы контроля доступа за сегодня, — сказал он. — Без копирования и без сведений о пациентах.

— Кто сформулировал эти ограничения? — спросил Романов.

— Руководство.

— Фамилия?

Лебедев потёр ногтем пластиковый край пропуска.

— Арсений Павлович.

— Открывайте журнал.

На экране появилась таблица. Время, точка, карта, результат. Лебедев поставил фильтр с 10:00. За первые минуты набежало несколько сотен строк.

— Покажите изменение задания в 10:53, — сказала Марина.

— Это другая система.

— Но единый вход.

Лебедев посмотрел на неё внимательнее.

— Был единый. Сейчас контуры разделены.

— Когда разделили?

— После обновления.

— Дату.

— Не помню.

Романов положил рядом с клавиатурой пакет с телефоном Соколова.

— Мы можем провести это долго. Вы будете вспоминать каждую дату после отдельного запроса. Или сейчас покажете карточку события, где есть адрес терминала и способ авторизации.

Лебедев не прикоснулся к пакету, но отодвинул от него кружку. Открыл другое окно, ввёл номер события с распечатки.

Карточка загрузилась не сразу. В поле пользователя значилось «М. Л.». Ниже — «локальная авторизация». Терминал: Н-04.

— Где он? — спросил Романов.

— Наблюдательная четыре.

— Та, где мы были сегодня?

— Да.

Марина вспомнила погашенный Громовым планшет, стол у стекла и серую панель в стене. Для изменения задания требовался не просто пароль. Старые терминалы принимали сотрудника после касания картой.

— Покажите идентификатор карты.

— Он закрыт политикой доступа.

— Тогда покажите тип подтверждения.

Лебедев раскрыл технические поля. «Карта: архивная. PIN: принят».

— Архивная карта не должна работать, — сказала Марина.

— Не должна.

— Но сработала.

— Поэтому событие отмечено жёлтым.

— Кто получил предупреждение?

Лебедев пролистал вниз. Строка уведомления была пустой.

— Видимо, маршрут не настроен.

— А решение закрыть мой доступ в 14:06 тоже прошло без маршрута?

Инженер замер. Потом вернулся к журналу контроля и ввёл её фамилию. Появились две строки. В 14:06 права временного пропуска изменены администратором АГ-01. В 14:09 дверь наблюдательного блока уже отказала Крыловой при попытке вывести Марину.

— АГ — Громов? — спросил Романов.

— Администратор главного уровня.

— Фамилия?

— Учётная запись закреплена за директором.

— Он был с нами в тестовой в четырнадцать ноль шесть, — сказала Марина. — Камера это покажет.

Лебедев развернулся к стене экранов, словно надеялся увидеть прошлое в прямом эфире.

— Управлять можно с планшета.

— Планшет лежал на столе, — сказала Марина. — Громов стоял под камерой. Он мог подготовить команду раньше, но время исполнения всё равно останется в системном журнале.

Романов постучал ручкой по столу.

— Вы сейчас объясняете, почему директор заранее решил ограничить специалиста. Меня интересует другое: можно ли подделать пользователя «М. Л.» тем же способом?

— Это разные права.

— Можно?

— Если есть карта и PIN.

— Где старая карта Марины Андреевны?

— При увольнении карты сдают.

Марина вспомнила коробку у отдела кадров: белые пластиковые прямоугольники, перетянутые резинкой, и женщину, которая сказала положить пропуск сверху. Никто не разрезал карту и не приложил её к считывателю. Просто записали номер на бумажном бланке.

— Найдите акт возврата, — сказал Романов.

— Это отдел кадров.

— Пока отдел кадров ищет акт, покажите историю этой карты.

Лебедев ввёл длинный идентификатор из технического поля. На экране осталась строка 10:53, затем возникла ещё одна — годичной давности.

02:11. Наблюдательная Н-04. Доступ разрешён.

Марина узнала дату раньше, чем успела прочесть её целиком.

В ту ночь шёл мокрый снег. Соколов встретил её у служебного входа без зонта, хотя от корпуса до двери было меньше двадцати метров. На его плечах таяли две белые полосы. Он сказал, что Илья не спит третьи сутки и что официальный вызов займёт до утра. Она согласилась войти на десять минут.

Ушла через два часа.

— Что было в этот день? — спросил Романов.

— Старый сеанс.

— Ваш?

— Да.

— После окончания договора?

— В последнюю неделю работы.

Это было почти правдой. Формально договор ещё действовал до полуночи. Формально ночная сессия попала в последние сутки. Но приказ запрещал любые новые тесты после дневного осложнения, а Громов велел всем разойтись и ждать комиссию.

— Почему вход в два одиннадцать не отражён в карточке пациента? — спросил Романов.

Марина посмотрела на Лебедева.

— Покажите соседние события.

— Запрос был по карте.

— Теперь по терминалу Н-04, с двух до пяти.

Инженер не стал возражать. На экране появились касания карт Соколова, Марины и Крыловой. В 02:09 Соколов открыл служебный вход. В 02:11 Марина вошла в наблюдательную. В 02:14 Крылова — в процедурную. В 04:06 карта Марины открыла дверь назад. В 04:08 Соколов выпустил её из корпуса.

Между ними шли системные события: включение стенда, запуск записи, отключение автоматической выгрузки.

Последнее было подписано «С. Е.».

— Соколов Евгений? — спросил капитан.

— Да, — ответила Марина.

— Он отключил выгрузку?

— Судя по журналу.

— Зачем?

Она снова увидела Илью по ту сторону стекла. Он сидел, прижав ладони к ушам, хотя в комнате было тихо. Каждый разрешённый вопрос заставлял его искать фразу, которую он считал ложью. Чем точнее спрашивала Марина, тем быстрее он находил лазейку. Тогда это казалось успехом: не поломка мышления, а сохранённая способность выбирать значение. К четырём утра он научился менять рамку раньше, чем устройство успевало замкнуть речевой импульс.

А потом Марина задала вопрос, которого не было в протоколе.

— Потому что сессию не должны были проводить, — сказала она.

Романов перестал писать.

— Вы только что сказали, что работали по договору.

— Договор действовал. Разрешение на сеанс — нет.

— Кто его запретил?

— Громов. После ухудшения у Ильи.

— Какого ухудшения?

— Он перестал отвечать на вопросы, где любое продолжение делало его участником чужого решения. Мы тогда считали это истощением. Я предложила проверить, различает ли он категорию ответа и право отказаться.

— Красной карточкой?

— Карточка появилась позже.

На экране годичная ночь выглядела аккуратнее воспоминания: двери открывались по порядку, стенд запускался, запись оставалась локальной. Только люди внутри нарушали всё, что таблица не умела назвать.

Романов указал на строку 02:11.

— Сегодня использовали ту же физическую карту?

— Идентификатор тот же, — ответил Лебедев.

— Копию сделать можно?

— Старые карты — да. Но нужен образец.

— Или сама карта, которую не уничтожили после сдачи, — сказала Марина.

— Кто знал PIN? — спросил Романов.

— Я. Иногда Соколов стоял рядом, когда я вводила его.

— Иногда или видел?

— Мог видеть.

— Громов?

— Мог получить сброс через администратора.

— Крылова?

Марина вспомнила, как медсестра в ту ночь отворачивала лицо от стекла, когда Илья пытался произнести её имя.

— Не знаю.

Лебедев нажал на строку сегодняшнего входа. В подробностях нашлось ещё одно поле: версия профиля. Рядом с «М. Л.» стояла цифра 2.

— Что это значит? — спросил Романов.

Инженер побледнел так заметно, что ответ стал ясен до слов.

— Архивную учётную запись восстанавливали из резервной копии.

— Когда?

— Сегодня в 02:04.

Марина почувствовала, как край распечатки режет палец.

— За тринадцать минут до фразы Ильи.

Романов повернулся к ней.

— Какой фразы?

Она поняла ошибку: он знал про 02:17, но не знал, что строка принадлежит Илье наверняка. На обрывке не было заголовка. Это она только что связала восстановление учётной записи со свидетельством пациента.

— «Марина сюда не вернётся», — сказала она.

— Откуда вы знаете, кто это произнёс?

— Илья предупредил меня о сообщении, которого нет в дневном журнале.

— Когда?

— Между передатчиками. Он сказал: «Вы не получили сообщение».

— И вы решили, что речь об этой строке?

— Теперь — да.

Романов посмотрел на пакет со смартфоном Соколова.

— А до приезда сюда вы получали от доктора сообщения?

Марина могла снова разделить вопрос. «От доктора» — ещё не доказано. «Сообщения» — множественное число. Телефон — не человек. Но это был бы тот же приём, против которого она спорила с Громовым: построить удобную границу и выдать её за ответ.

Она достала свой телефон, открыла переписку и положила экран на стол.

— В 07:12 пришло «Позвони». В 07:14: «Если я не отвечу, не позволяй им задавать Илье вопросы».

Романов прочёл обе строки. Его лицо не изменилось.

— Почему вы не сообщили сразу?

— Не знала, отправил ли их Соколов. И не хотела, чтобы второе сообщение стало разрешением допрашивать Илью через меня.

— Вы скрыли сведения об исчезнувшем человеке.

— Сохранила просьбу до того момента, когда смогла понять её предмет.

— А теперь поняли?

Марина посмотрела на время восстановления профиля: 02:04. Кто-то вернул её имя в систему, провёл ночную сессию, получил от Ильи фразу о её возвращении, а утром использовал ту же запись, чтобы изменить предмет теста. Это было не случайное сходство и не забытая карта. Кто-то собирал условия годичной ночи по частям.

— Сообщение было не только просьбой защитить Илью, — сказала она. — Соколов знал, что мой старый профиль снова активен. Он хотел, чтобы я увидела, какие вопросы задают от моего имени.

— Или хотел, чтобы вы приехали и уничтожили следы той ночи.

— Тогда не присылал бы текст, который останется у оператора.

— Если присылал он.

Романов сфотографировал экран служебным телефоном и попросил переслать сообщения на адрес отдела. Марина сделала это при нём.

— Полную переписку не удалять. Телефон не менять. Если понадобится изъятие, оформим отдельно.

— Понадобится.

— Это я решу.

Баланс между ними изменился без повышения голоса. Ещё десять минут назад она была специалистом, которому капитан позволял спорить с директором. Теперь стала человеком из ночного журнала, скрывшим два сообщения.

В коридоре щёлкнул замок. Громов вошёл без халата, в тёмной рубашке, и от этого казался не врачом, а владельцем здания.

— Осмотр закончен, — сказал он.

— Нет, — ответил Романов. — До моего ухода журнал остаётся открыт. Лебедев ничего не удаляет и не перезапускает.

Громов увидел на экране годовичную дату.

— Марина Андреевна уже объяснила, что делала здесь ночью?

— Частично.

— Тогда спросите, почему запись той сессии оказалась повреждена.

Марина повернулась к нему.

— Соколов отключил выгрузку.

— А локальный файл закрывали вы.

— Потому что Илья попросил остановиться.

— Он не мог попросить.

— Мог отказаться продолжать.

Громов подошёл к столу и ткнул пальцем в строку запуска стенда.

— Вы назвали отсутствие ответа новой категорией ответа и продолжили эксперимент без комиссии. После этого пациент шесть часов не мог произнести ни одной фразы.

— Потому что вы включили ему серию контрольных вопросов сразу после сеанса.

— Потому что требовалось оценить состояние.

— Вы превратили оценку в наказание за отказ.

Лебедев сидел неподвижно, положив руки на колени. На стене люди шли по коридорам, не зная, что их шаги складываются в чужую версию событий.

Романов встал между Мариной и директором не телом, а вопросом:

— Кто восстановил её профиль сегодня в 02:04?

— Не знаю.

— У администратора главного уровня есть такая возможность?

— У технической службы тоже.

— Где вы были в это время?

— Дома.

— Подтверждение?

— Моя жена.

— Соколов имел доступ к резервным копиям?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Марина увидела, как Лебедев опустил взгляд.

— Покажите событие восстановления, — сказала она.

— Достаточно, — отрезал Громов.

— Нет, — повторил Романов. — Покажите.

Лебедев открыл служебный журнал. В 02:04 профиль «М. Л.» был восстановлен по задаче, созданной в 01:58 с терминала С-12.

— Кабинет Соколова, — сказал Громов.

— Терминал стоял в его кабинете? — уточнил Романов.

— Стоит.

— Кто вошёл в кабинет перед этим?

В журнале дверей не было ни одного события между 21:40 и 06:32.

— Он мог остаться внутри, — сказал Громов.

— Или войти механическим ключом, — сказала Марина.

— Камера коридора? — спросил Романов.

Лебедев открыл архив. Шкала за ночь была серой. С 01:47 до 03:02 запись отсутствовала.

— Технический перерыв, — сказал Громов.

— Во всех камерах? — спросила Марина.

— Плановое обновление.

— Но журнал речи в 02:17 работал.

Никто ей не ответил.

Романов записал время провала и номер терминала. Затем потребовал выгрузить служебные журналы на новый носитель, рассчитать контрольные суммы и запечатать копию. Громов спорил о постановлении, но после звонка дежурному следователю перестал. Лебедев выполнял команды медленно, проговаривая каждое действие вслух.

Когда копирование закончилось, на экране осталось окно с историей карты Марины. Две ночи, разделённые годом, соединяла одна пластиковая метка.

Романов убрал носитель в пакет.

— Вы поедете со мной и дадите объяснение о прошлой сессии.

— Сначала мне нужно поговорить с Ильёй.

— Нет.

— Второе сообщение Соколова относится к вопросам, которые ему задавали ночью. Если профиль восстановили до сеанса, кто-то мог использовать мой старый протокол.

— Именно поэтому вы к пациенту не подойдёте, пока я не пойму, какую часть протокола вы скрыли.

Марина хотела возразить, но увидела на одном из экранов Илью. Он стоял в жилом коридоре перед дверью, держа красную карточку у груди. Крылова была рядом. Напротив них охранник показывал на комнату для бесед.

Илья не двигался.

Охранник потянулся к карточке.

Крылова перехватила его руку.

На экране не было звука. Однако Марина поняла последовательность без слов: Илью снова вели на опрос, он отказался, отказ попытались изъять.

— Посмотрите, — сказала она.

Романов проследил за её взглядом.

— Где это?

— Жилое крыло, второй этаж, — ответил Лебедев.

Капитан взял рацию у пояса.

— Всем сотрудникам: опрос Воронцова не проводить. Красную карточку считать заявленным отказом до отдельного решения. Я иду туда.

Громов шагнул к двери.

— Вы не вправе устанавливать медицинский протокол.

— Я устанавливаю, что полиция не ведёт допрос человека, который отказался отвечать.

Что делает ваш сотрудник, выясним на месте.

Романов вышел первым. Громов — за ним.

Марина задержалась на секунду. Лебедев закрыл журналы один за другим. Перед тем как погасить последнее окно, он тихо сказал:

— У архивной карты сегодня было ещё одно событие.

— Где?

Он не ответил. Только на миг снял фильтр.

Внизу появилась строка с будущим временем: 23:40. Старый корпус. Дверь П-1. Доступ ожидается.

Не запись о том, что произошло. Задание, поставленное заранее.

Кто-то не просто пользовался именем Марины.

Кто-то назначил ей возвращение.

Глава 4. Красная карточка

Когда Марина добралась до жилого крыла, Илью уже завели в комнату для бесед.

Дверь оставалась открытой. У стола сидела незнакомая женщина в сером костюме, перед ней лежали диктофон и лист с вопросами. Охранник стоял за креслом Ильи. Крылова держала красную карточку обеими руками, словно только это мешало охраннику отнять её.

— Опрос прекратить, — сказал Романов.

Женщина выключила диктофон.

— Это не опрос. Плановая оценка способности к коммуникации.

— Представьтесь.

— Юрист Центра Вера Белова.

— Юристы проводят медицинские оценки?

— Я обеспечиваю правильность процедуры.

Илья сидел боком к столу. На его запястье зелёным светился передатчик. Он смотрел не на людей, а на карточку у Крыловой.

Марина остановилась за порогом. Романов запретил ей подходить к пациенту, и сейчас нарушение дало бы Громову простой повод отменить всё, чего они добились.

— Верните карточку владельцу, — сказал капитан.

— Она из набора Центра, — ответила Белова.

— Кому она принадлежит как средство ответа?

— В действующем протоколе красная карточка не является ответом. Это посторонний предмет, на котором пациент фиксируется при возбуждении.

Крылова резко повернулась к ней.

— Я выдала её ему по просьбе Марины Андреевны.

— И тем самым нарушили инструкцию.

— Он успокоился.

— Что подтверждает регулирующую функцию предмета, а не осмысленный отказ.

Громов вошёл последним. Он не торопился: все уже произнесли позиции, и ему оставалось выбрать ту, которую Центр запишет официальной.

— Вероника Сергеевна права, — сказал он. — Мы наблюдаем персеверацию. Пациент повторяет действие, потому что оно снижает нагрузку.

Марина посмотрела на Илью.

— Тогда карточка должна снижать нагрузку независимо от ситуации.

— Вам запрещён контакт с пациентом, — напомнил Романов.

— Я обращаюсь к директору. Проверьте его утверждение без вопроса Илье.

Громов скрестил руки.

— Каким образом?

— Положите рядом три предмета: красную карточку, стакан воды и наушники. Создайте обычную нагрузку — яркий свет, шум, ожидание. Если он выбирает карточку как успокаивающий предмет, ваша версия получает основание. Если берёт её только после обращённого к нему вопроса, это знак коммуникации.

— Вы предлагаете эксперимент в разгар острой реакции.

— Вы уже начали его, посадив пациента перед юристом с диктофоном.

Белова накрыла лист ладонью.

— Вопросы касались самочувствия.

— Прочтите первый, — сказал Романов.

— Это медицинская документация.

— Тогда я изымаю лист как материал незавершённого опроса по обстоятельствам исчезновения.

Белова убрала ладонь.

На первой строке было напечатано: «Доктор Соколов заставлял вас отвечать после отказа?» Ниже шли варианты, построенные так, чтобы любая произносимая Ильёй фраза могла быть истолкована против врача.

Романов прочитал вопрос дважды.

— Кто составил?

— Типовая оценка возможного давления, — сказала Белова.

— Фамилия автора.

— Проект подготовила юридическая служба.

— В какое время?

Белова посмотрела на Громова.

— Сегодня утром.

— До или после исчезновения Соколова?

— После того, как он не вышел на связь.

— Документ покажите.

Внизу мелким шрифтом стояло время печати: 06:31.

Раньше распечатки Соколова с белой чашкой. Раньше первого сообщения Марине. За пять с половиной часов до того, как Центр официально вызвал полицию.

— Кто сообщил юридической службе, что доктор исчез? — спросил Романов.

— Он не явился на утренний обход, — сказал Громов.

— Обход начинается во сколько?

Крылова ответила прежде директора:

— В семь.

В комнате стало тихо. Илья протянул руку. Крылова отдала ему карточку.

Он положил её на стол.

— Вот, — сказала Белова. — Предмет ему не нужен.

Романов поднял лист.

— Илья, вы хотите отвечать на эти вопросы?

Передачик на запястье мигнул. Илья накрыл карточку ладонью и подвинул её к капитану.

— Это может быть реакцией на красный цвет, — сказал Громов.

Романов переставил карточку вправо. Илья проследил за ней взглядом, взял и снова придвинул к нему.

— Он повторяет движение, — заметила Белова.

Капитан положил рядом лист с вопросами и свою папку.

— Илья, если вы не хотите отвечать на вопросы Центра, положите карточку на лист. Если не хотите разговаривать со мной — на папку. Если хотите закончить любые вопросы — оставьте перед собой.

— Так нельзя, — сказала Марина.

Романов обернулся.

— Почему?

— Вы превратили один знак в три и назначили значения сами. Мы не знаем, принял ли он их.

Она увидела раздражение, но капитан убрал папку.

— Тогда как установить смысл?

— По уже известному употреблению. Утром он поднял карточку после вопроса, не выбрал предложенную фразу и прекратил участие. Сейчас повторил то же действие. Минимальное значение: «не продолжать текущий обмен». Всё остальное мы добавим от себя.

— А если это симптом? — спросил Громов.

— Симптом не перестаёт быть сообщением только потому, что повторяется. Слова тоже повторяются.

Илья поднял карточку.

На этот раз он не подвинул её никому. Держал на уровне лица, закрывая от себя Белову, диктофон и лист.

Романов первым вышел в коридор.

— Все наружу. Крылова остаётся у двери, если пациент этого не отклонит.

Охранник посмотрел на Громова. Директор кивнул, и комната опустела.

Когда дверь закрылась, красный прямоугольник ещё несколько секунд был виден в узком окне. Потом Илья положил его на стол и откинулся на спинку кресла.

Романов забрал у Беловой лист.

— До отдельного согласования вопросов к Воронцову не задавать. Ни полицией, ни Центром.

— Вы оставляете пациента без оценки состояния, — сказал Громов.

— Давление, пульс и боль можно проверить без вопроса о Соколове.

— Его нарушение не позволяет применить стандартную шкалу.

— Значит, разработайте шкалу без замаскированного допроса.

Марина посмотрела на время печати.

— В 06:31 вы уже искали способ обвинить Соколова в давлении. Откуда знали, что он не придёт на обход?

Белова поправила рукав.

— Черновик мог быть создан раньше и распечатан автоматически.

— Кем назначена печать?

— Не помню.

— В комнате наблюдения всё помнят журналы, — сказал Романов.

Громов взял Белову под локоть и отвёл на несколько шагов. Они говорили вполголоса, но Марина расслышала «без постановления» и «персональная ответственность».

Крылова стояла у окна двери.

— Кто привёл Илью? — спросила Марина.

— Охрана. В системе появилось назначение на оценку.

— От чьего имени?

— Служба протокола.

— Время?

— Пятнадцать ноль две.

— После того, как Романов потребовал сохранить журналы.

Крылова кивнула.

— Задание было обязательным. Я отложила его на десять минут, потом мой доступ к расписанию закрыли.

— Покажите уведомление.

Медсестра достала служебный планшет. На экране оставалась карточка назначения. Автор: АГ-01. Цель: «Дифференциация персеверативного поведения». Место: комната Б-2. В приложении — тот самый лист Беловой.

— Отправьте снимок Романову, — сказала Марина.

— Мне запретили выносить данные.

— Тогда покажите ему здесь.

Крылова позвала капитана. Он сфотографировал экран рядом с системными часами.

— Вы назначили оценку в пятнадцать ноль две? — спросил он Громова.

— Я распорядился проверить состояние пациента.

— Почему приложили вопросы о Соколове?

— Потому что исчезновение лечащего врача могло вызвать реакцию.

— А красную карточку заранее назвали персеверацией, ещё до оценки.

— Это рабочая гипотеза.

— Рабочая гипотеза, под которую вы составили процедуру.

Громов снял очки. На переносице остались две красные вмятины.

— Капитан, вы видите заговор там, где учреждение пытается пережить кризис. Если комиссия решит, что Соколов принуждал пациента, программу закроют. Если решит, что пациент дал осмысленные сведения о его исчезновении, программу тоже остановят до проверки. В обоих случаях двадцать три человека останутся без помощи.

— Поэтому вы решили заранее получить удобный ответ?

— Я решил установить, способен ли Илья отвечать добровольно.

— Задав ему вопрос, на который любой произнесённый ответ будет ложью.

— Его речь всегда такая.

— Его отказ — нет, — сказала Марина.

Громов надел очки.

— Вы сделали из карточки право, которого нет в протоколе.

— Право было до протокола. Карточка только сделала его видимым.

Директор посмотрел на дверь. За стеклом Илья сидел с закрытыми глазами.

— Год назад вы говорили иначе.

Марина почувствовала взгляд Романова.

— Год назад я считала, что любой обход блока полезен, потому что возвращает человеку возможность действовать. Я ошиблась: возможность отвечать не равна возможности выбирать разговор.

— Запишите это в объяснении, — сказал капитан.

— Запишу.

Он сложил лист Беловой и убрал в пакет.

— А теперь все назначения Илье на сегодня отменяются, кроме неотложной помощи.

Копию медицинского решения пришлёт в отдел. Попытка повторить вопросы будет зафиксирована как вмешательство в опрос свидетеля.

Громов не ответил. Ушёл вместе с Беловой, не попрощавшись.

Романов дождался, пока они скроются за поворотом.

— В машине расскажете о ночной сессии без слов «почти», «формально» и «в пределах определения».

— Хорошо.

— Это не значит, что вы снова получите доступ к Илье.

— Понимаю.

— И перестаньте угадывать, что хотел Соколов. Мне нужны действия.

Марина вспомнила строку на экране: 23:40, П-1.

— Тогда у меня есть действие, о котором вы должны знать.

Она рассказала о будущей задаче архивной карты.

— Почему Лебедев не показал её мне?

— Боялся. Или хотел, чтобы увидела только я.

— Точное время?

— Двадцать три сорок.

— Где дверь?

— Переход в старый корпус. Его закрыли три года назад.

— Почему?

— После затопления нижнего этажа. Официально там нет действующих помещений.

— Неофициально?

— Соколов хранил там списанное оборудование. Иногда проводил калибровку старых передатчиков, потому что новые автоматически выгружали речь.

Романов смотрел на неё молча.

— Это тоже следовало сказать раньше, — добавила Марина.

— Вы начинаете понимать принцип.

Он вызвал по рации сотрудника и велел проверить П-1 снаружи, не открывая дверь и не касаясь считывателя. Марине приказал ждать у проходной. Сам вернулся в комнату наблюдения.

Через четверть часа пришёл охранник. На его перчатке лежал небольшой красный прямоугольник.

— Нашёл у двери П-1, — сказал он. — Был вставлен между косяком и рамой.

Это была не карточка Ильи. Картон плотнее, цвет темнее, углы обрезаны вручную. На обратной стороне чёрным маркером стояло одно слово:

«НЕТ».

Романов перевернул прямоугольник пинцетом.

— Кто знал значение красной карточки?

— Утром — все, кто видел сессию. Год назад такого знака не было.

— Значит, это сделали сегодня.

— Или Соколов готовил знак заранее, но не успел объяснить.

— Вы снова угадываете.

— Да.

В этот раз Марина не стала защищать догадку.

Капитан упаковал картон отдельно.

— В двадцать три сорок к двери никто не пойдёт по чужому расписанию. Мы поставим наблюдение раньше.

— Если считыватель ждёт именно мою карту, задача не сработает.

— Карты у вас нет.

— У того, кто создал назначение, есть.

Романов посмотрел на закрытую дверь Б-2. За ней Илья впервые за день находился один и никому ничего не был должен.

— Тогда подождём человека, который считает, что ваше имя открывает двери.

Глава 5. Ложное имя

До двадцати трёх сорока оставалось семь часов.

Романов отвёл Марину в пустой кабинет напротив комнаты Б-2 и положил на стол два прозрачных пакета: в одном лежал лист Беловой, в другом — самодельный красный прямоугольник с надписью «НЕТ». Между пакетами он поставил телефон экраном вниз.

— Объяснение ночной сессии будете писать здесь, — сказал он. — Но сначала я хочу проверить одну вещь.

— Какую?

— Воронцов вас помнит.

— Он сказал: «Мы не встречались».

— Это доказывает только то, что он считает встречу состоявшейся. Не доказывает, кого именно он узнал. Вы сами требовали не перескакивать через границы.

Марина посмотрела на закрытую дверь Б-2.

— Вы запретили ему задавать вопросы.

— Запретил вопросы об исчезновении и повторную оценку Центра. Проверку личности проведём только с его согласием. Один блок, заранее оговорённый выход, красная карточка остаётся у него.

— И если он откажется?

— Значит, откажется.

Романов говорил ровно, но в его предложении уже была конструкция, которой Марина когда-то гордилась: человек получает не только варианты ответа, но и видимый выход из процедуры. За год правило успело стать уликой против неё.

— Почему сейчас? — спросила она.

— Потому что в двадцать три сорок кто-то ждёт вашу карту у двери, а год назад эту карту использовали рядом с Воронцовым. Мне нужно понять, является ли ваше имя ключом только для системы.

— Имя нельзя тестировать как цвет коробки.

— Тогда объясните, как можно.

Марина взяла чистый лист. Написала крупно: «ПРОВЕРКА ИМЕНИ». Ниже — три условия: Илье заранее сообщают цель; он сам разрешает начать; любая остановка завершает тест без толкования причины.

— Нельзя спрашивать: «Эту женщину зовут Марина?» Если он скажет «нет», вы получите слишком много возможных истин. Нельзя просить назвать меня — это превращает молчание в ответ. Сначала нужны заведомо чужие имена. Они покажут, способен ли он вообще произнести имя, обращаясь ко мне.

— Сколько?

— Два. Потом настоящее. Порядок должен выбрать не я.

— Выбирать буду я.

— Вы знаете настоящее и чужие. Значит, сможете намеренно расположить их так, чтобы усилить ожидаемый эффект.

— А компьютерный выбор вас устроит?

— Если список составит человек, результат останется человеческим.

Романов придвинул к ней лист.

— Тогда кто составит список?

— Илья.

Капитан поднял глаза.

— Он не может написать правду?

— Письмо не блокируется. Но он почти перестал им пользоваться после того, как сотрудники начали считать записанное более надёжным, чем сказанное. Для него письменный ответ — не свобода, а другой протокол.

— Предложите способ без письма.

Марина нарисовала три пустых прямоугольника.

— Дадим ему карточки с именами лицевой стороной вниз. Он расположит их, не читая. Потом перевернёт по одной и решит, хочет ли произнести. Мы не требуем пройти до конца.

— Вы заранее знаете, что на настоящем имени он остановится.

— Я предполагаю.

— На основании ночной сессии?

— На основании сегодняшнего «мы не встречались».

— Это неполный ответ.

— Другого пока не будет.

Романов убрал лист к себе.

— Тогда тест проведу я. Вы будете сидеть у стены и не подсказывать ни лицом, ни жестом.

— Илья не обязан соглашаться.

— Вы уже сказали.

— Я хочу, чтобы это осталось в записи.

Он перевернул телефон и включил диктофон.

— Осталось.

Крылова принесла три одинаковые карточки и чёрный маркер. Романов написал имена в коридоре, закрывая строки ладонью. Марина увидела только движение маркера: короткое слово, длинное, снова короткое. Карточки он вложил в одинаковые серые конверты.

Перед входом в Б-2 Крылова остановила их.

— Он снял передатчик.

Через окно было видно зелёный браслет на столе. Илья сидел на кровати, упираясь ладонями в край матраса. Красная карточка лежала рядом.

— Сам? — спросил Романов.

— Расстегнул ремешок. Сигнала тревоги нет: датчик исправен, просто не на руке.

— Без него тест бессмыслен, — сказал капитан.

— Не бессмыслен, — возразила Марина. — Просто не будет аппаратного подтверждения блока.

— Мне оно нужно.

— Тогда вы просите Илью снова надеть устройство ради вашего вопроса. Скажите именно это.

Романов вошёл один. Дверь оставил открытой.

— Илья, я хочу проверить, узнаете ли вы Марину Левченко. Для этого нужен передатчик. Вы можете отказаться от всей проверки красной карточкой. Можете начать и остановиться в любой момент. Согласие надеть браслет означает только согласие на эту проверку.

Илья посмотрел на него, потом на Марину в коридоре. Взял браслет, но не застегнул. Провёл большим пальцем по внутренней стороне ремешка, будто искал там царапину.

Марина знала эту привычку. Год назад после каждого перерыва он проверял метку, которую сам нанёс ногтем: передатчики были одинаковыми, а он не хотел, чтобы ему подменили устройство. Она не сказала об этом Романову. Слишком поздно поняла, что молчание тоже меняет условия теста.

Илья надел браслет. Зелёный индикатор загорелся не сразу: сначала один раз мигнул жёлтым.

Крылова взглянула на планшет.

— Соединение установлено. Канал Б-2, локальная запись включена.

— Архивная выгрузка? — спросил Романов.

— Включена. Я проверила дважды.

Он внёс конверты в комнату и разложил на столе.

— Здесь три имени. Два не принадлежат женщине у стены, одно принадлежит. Вы можете перемешать конверты, открыть любой и, если хотите, обратиться к ней этим именем. После каждого конверта решаете, продолжать ли. Красная карточка завершает проверку.

Илья коснулся крайнего конверта, затем среднего. Переставил их местами. Его движения были медленными не от нерешительности, а от точности: края легли параллельно кромке стола.

Первым он открыл левый конверт.

На карточке было написано: «АННА».

Илья поднял глаза на Марину.

— Анна, — сказал он без задержки.

Передачик мигнул зелёным. На планшете Крыловой появилась ровная полоса принятого речевого импульса.

Никакого имени Анна в старой группе не было. Марина ощутила облегчение и тут же устыдилась его: лёгкая ложь была хорошей новостью только внутри этой комнаты.

Романов ничего не записал. Лишь кивнул на оставшиеся конверты.

Илья открыл правый.

«МАРИНА».

Он не посмотрел на женщину у стены. Губы разомкнулись, но звука не было. Зелёный огонёк погас и сменился белым — блок распознанной фразы. На экране планшета возникла короткая восходящая линия и оборвалась до порога речи.

Илья вдохнул ещё раз.

— Ма...

Белый свет вспыхнул раньше второго слога. Он отдернул руку, словно браслет нагрелся.

— Достаточно, — сказала Марина.

Романов поднял ладонь, останавливая её, но не Илью.

— Вы можете закончить, — напомнил он.

Илья взял карточку «МАРИНА», перевернул надписью вниз и открыл третий конверт.

«ЕЛЕНА».

— Елена, — произнёс он, глядя прямо на Марину.

Зелёный сигнал прошёл без помех.

Потом Илья собрал все три имени в стопку, сверху положил красную карточку и подвинул Романову.

Капитан выключил диктофон.

— Проверка окончена.

Марина подошла только после того, как Илья сам отодвинул кресло от стола. На близком расстоянии она увидела под браслетом красную полосу. Раньше такой не было.

— Ремешок давит, — сказала она Крыловой.

— Натяжение стандартное.

— Для старого корпуса — стандартное. После замены креплений край стал жёстче.

Крылова ослабила застёжку на одно деление. Илья не поблагодарил. Он смотрел на перевёрнутую карточку со своим невозможным словом.

Романов забрал конверты, но карточки оставил на столе.

— Илья, я не буду спрашивать, откуда вы знаете Марину. Если позже захотите участвовать в разговоре об этом, передайте Крыловой красную карточку вместе с любой карточкой имени. Это будет означать только просьбу обсудить условия, не согласие отвечать.

Илья накрыл ладонью слово «МАРИНА».

Они вышли.

В коридоре Романов попросил Крылову сохранить отдельную копию записи и никому не менять браслет до осмотра. Когда она ушла, он повернулся к Марине.

— Почему вы заметили ремешок раньше медсестры?

— Я работаю с людьми, которым неудобство часто приходится показывать без слов.

— Почему Воронцов проверял внутреннюю сторону?

Марина посмотрела через окно. Илья уже снял устройство и положил его меткой вверх. На пластике действительно белела тонкая царапина.

— Год назад он помечал свой передатчик ногтем.

— В вашем объяснении этого нет.

— Я ещё не написала объяснение.

— В ваших словах об этом не было.

— Вы спрашивали о сессии, не о ремешке.

Романов медленно убрал пакеты в папку.

— Вот поэтому я не доверяю людям, которые профессионально определяют границы вопроса. Вы умеете оставлять правду снаружи и формально не лгать.

— Я не обязана угадывать всё, что может вас заинтересовать.

— Нет. Но вы ищите пропавшего человека, который просил вас защитить свидетеля. В этой ситуации цена удобной границы выше.

Он был прав ровно настолько, чтобы Марина почувствовала злость.

— Именной тест показал, что Илья считает меня Мариной. Не больше.

— Показал, что он узнаёт вас спустя год и что ваше настоящее имя связано у него с устойчивым убеждением. Чужие имена произносятся свободно. Значит, строка в ноль два семнадцать не случайно использовала именно ваше имя.

— Да.

— Почему «Марина сюда не вернётся» было ложью?

— Потому что он считал, что я вернусь.

— Когда?

— Мы не знаем его временной рамки.

— Что вы обещали ему год назад?

Марина услышала в памяти собственный голос: «Я вернусь, когда у тебя будет способ остановить нас». Тогда это казалось честным обещанием. Она уехала до рассвета, отдала Соколову карту и больше не вошла в палату. Красную карточку Крылова дала Илье только сегодня, но идею видимого отказа они испытывали той ночью на пустых белых листах.

— Я сказала, что вернусь, когда у него появится способ прекратить любой вопрос, — ответила она.

— Появился?

— Сегодня.

— Значит, он мог считать ваше возвращение условием, а не прогнозом.

— Мог.

— И кто обеспечил выполнение условия? Вы?

— Красную карточку дала Крылова по моей просьбе.

— Соколов знал об обещании?

— Он присутствовал.

Романов открыл дверь пустого кабинета и указал на стул.

— Теперь пишите всё. Не только то, о чём я догадался спросить.

Марина села. На первой строке поставила дату прошлогодней сессии. Потом перечислила участников, отключение выгрузки, белые листы отказа, обещание вернуться. На слове «последствия» ручка остановилась.

После её отъезда Громов вызвал Илью на контрольную серию. Соколов сообщил об этом только через три дня и уверял, что ни одного опасного ответа не сохранили. Марина поверила, потому что хотела поверить в управляемость собственного метода. Теперь в архиве существовала строка, которой не должно было быть, а её старая карта открывала двери без неё.

Она дописала: «Я не проверила, был ли уничтожен локальный файл сессии. Я приняла сообщение Соколова за подтверждение».

Романов прочитал страницу стоя.

— Как выглядел ваш знак отказа?

— Пустой белый лист. Илья клал его поверх карточки с вопросом.

Капитан вынул пакет с красным прямоугольником «НЕТ».

— Не такой?

— Нет.

— Почему сегодня красный?

— Крылова взяла карточку из стандартного набора оценки боли. Цвет выбрала случайно.

— Кто знал про белый лист?

— Я, Соколов, Илья. Громов увидел его в локальной записи, если файл сохранился.

— А Крылова?

— Она дежурила в другом крыле.

Романов приложил фотографию самодельной карточки к белому полю её объяснения.

— Тогда надпись «НЕТ» у П-1 рассчитана не на Илью. Это перевод старого знака для человека, который не знает протокол.

— Для вас.

— Или для охранника. Или для вас, если вы забыли собственное правило.

Марина посмотрела на грубо обрезанные углы. Красный цвет связывал сегодняшнюю карточку с дверью, белый лист — прошлогоднюю сессию с Соколовым. Кто-то соединил два времени в одном предмете.

— Красный прямоугольник сделали после утренней сессии, — сказала она. — Но слово написал тот, кто знал о старом знаке. Иначе достаточно было бы оставить пустую красную карточку.

— Соколов.

— Громов. Илья. Возможно, тот, кто смотрел локальную запись.

— Вы.

— Я весь день была не одна.

— Кроме дороги сюда и времени до встречи со мной.

Марина положила ручку.

— Вы считаете, что я оставила карточку у двери, а потом сама сообщила вам о задаче на двадцать три сорок?

— Я считаю, что человек с двумя причинами помогает расследованию одной причиной и управляет им второй.

В коридоре открылась дверь. Лебедев быстро прошёл к комнате наблюдения, прижимая к груди ноутбук. Увидев Романова, он остановился.

— Что случилось? — спросил капитан.

— Архивная задача изменилась.

— Время?

— То же. Дверь та же. Но добавился второй идентификатор.

Лебедев поставил ноутбук на стол. В строке назначения после карты Марины стоял новый получатель: браслет Ильи, серийный номер которого светился сейчас в Б-2.

— Пациента к П-1 никто не поведёт, — сказал Романов.

— Система не требует, чтобы он дошёл, — ответил Лебедев. — В двадцать три сорок дверь должна увидеть его передатчик в сети. Из любой комнаты, если старый ретранслятор ещё подключён.

Марина перечитала номер. Это был браслет с царапиной.

— Поэтому его нельзя менять, — сказала она.

— Я распорядился не менять после теста, — сказал Романов.

— А назначение обновилось до или после вашего распоряжения?

Лебедев открыл журнал.

— В шестнадцать двадцать восемь. Через сорок секунд после того, как мы включили архивную выгрузку в Б-2.

Кто-то видел не только браслет. Кто-то видел их проверку в реальном времени.

На экране появилась ещё одна строка. Система подтвердила готовность П-1 и вывела условие запуска:

«М. Л. + И. В. Совместное присутствие».

Романов закрыл ноутбук.

— До двадцати трёх сорока вы останетесь в Центре.

— А Илья?

— Останется там, где сам выберет, если это безопасно. Его браслет поедет к двери без него.

Марина посмотрела на белую царапину за стеклом. Год назад Илья пометил устройство, чтобы никто не смог подменить его незаметно. Теперь подменить собирались самого Илью — его присутствие заменить сигналом.

И кто-то был уверен, что для системы этого достаточно.

Глава 6. Пустой час

В комнате наблюдения было пять часов, и все показывали разное время.

Одни спешили на две минуты, другие отставали на сорок секунд. Лебедев вывел их показания на отдельный экран и соединял линиями с журналами камер, дверей, передатчиков и архивного сервера. В центре схемы зиял промежуток с 01:47 до 03:02 — семьдесят пять минут, которые Центр называл отключением видеонаблюдения.

— Если камеры погасли одновременно, почему расхождение часов не изменилось? — спросила Марина.

— Потому что время рисует не камера, а сервер, — ответил Лебедев.

— Тогда мы видим отсутствие файлов, а не отсутствие изображения.

Он посмотрел на Романова, ожидая разрешения согласиться.

Капитан стоял у двери. Старую карту Марины пока не нашли; вместо неё криминалист подготовил копию идентификатора на чистом пропуске. Браслет Ильи лежал в экранированном пакете, чтобы его сигнал не появлялся в сети раньше назначенного времени. Крылова оставила Илье красную карточку и другой, неактивированный передатчик — только по его желанию, без подключения к журналу.

— Проверяйте каждое утверждение, — сказал Романов. — Мне не нужен красивый рисунок.

Лебедев открыл запись с камеры коридора С-12. В 01:46:58 пустой проход застыл. Через секунду изображение сменилось серым полем с сообщением «ИСТОЧНИК НЕДОСТУПЕН». В 03:02:11 коридор вернулся — та же тележка у стены, та же закрытая дверь кабинета Соколова.

— Покажите последний и первый кадры рядом, — сказала Марина.

Тележка на обоих стояла неподвижно. Но пластиковый пакет на верхней полке до провала свисал вправо, а после — лежал внутри лотка.

— Кто-то прошёл, — сказал Романов.

— Или сотрудник убрал пакет до отключения, а запись закончилась раньше отметки времени, — возразила Марина.

Лебедев увеличил метаданные.

— Последний сохранённый кадр получен в 01:46:58. Следующие два пакета сервер принял в 01:46:59, но не записал как видео.

— Что в пакетах?

— Они числятся служебными: проверка потока.

— Размер?

Лебедев открыл таблицу. Служебные пакеты шли каждые пять секунд и весили почти одинаково — сто восемьдесят четыре килобайта.

— Для сообщения «источник недоступен» многовато, — сказала Марина.

— Это не сообщение камеры. Серое поле добавил интерфейс при просмотре. Камера всё время передавала данные.

Романов подошёл ближе.

— Куда?

— Архивный сервер подтверждал приём, но не создавал файлы в основном хранилище.

— Значит, удалили.

— Не обязательно. При удалении остались бы записи о создании сегментов. Здесь сегменты не создавались. Поток мог идти транзитом.

Лебедев нашёл строку маршрутизации. В 01:46:51 камера С-12 получила новый адрес назначения. Не внешний — внутренний узел с коротким именем ПЕРЕХОД-2.

— Такого сервера в схеме нет, — сказал он.

Марина вспомнила старый корпус.

— Это мог быть ретранслятор у П-1.

— Там списанное оборудование. Оно не должно отвечать.

— Сегодня дверь уже подтвердила готовность.

Романов попросил выгрузить все изменения маршрутов. Камеры палат, лестниц и въездных ворот переключились на ПЕРЕХОД-2 в пределах одной секунды. Не переключилась только камера аптеки: её заменили месяц назад, и она использовала другой формат команд.

Запись из аптеки сохранилась полностью. Между стеллажами никто не появлялся, но в стеклянной дверце холодильника отражался кусок коридора. В 02:11 по отражению прошла фигура в светлом халате и остановилась за границей кадра.

— Соколов? — спросил Романов.

— Рост похож, — ответила Марина. — Лица нет.

Через двадцать секунд фигура вернулась, теперь с тёмной сумкой. Следом промелькнула рука другого человека. Рука придержала дверь, но в отражении не было видно, вошёл этот человек или остался снаружи.

— Вы сказали, камеры имели общий провал, — заметил Романов Лебедеву.

— Так было в отчёте системы.

— Камера аптеки — не камера?

— Её журнал помечен как медицинское оборудование, потому что она контролирует холодильник. В отчёт безопасности она не попала.

Марина всмотрелась в отражение. Светлый халат мог принадлежать любому врачу. Тёмная сумка могла быть контейнером с документами или бельём. Единственным точным фактом оставалось движение во время «пустого» часа.

— Речевой журнал, — сказала она. — Если поток камер шёл через ПЕРЕХОД-2, там могли оказаться и данные передатчиков.

Лебедев открыл события Ильи. Между 01:47 и 03:02 локальный блок продолжал фиксировать попытки речи: дыхание, два прерванных импульса, произнесённую в 02:17 фразу «Марина сюда не вернётся». В основном архиве строка отсутствовала, но счётчик принятых пакетов не имел разрыва.

— В ноль два восемнадцать размер пакетов вырос, — сказал Лебедев.

— После фразы?

— Через тридцать одну секунду. Добавился второй звуковой канал.

Он включил восстановленный служебный фрагмент. Сначала слышалось дыхание Ильи. Затем — глухой щелчок двери и голос, слишком тихий для слов. Волна второго канала длилась одиннадцать минут.

— Можно усилить? — спросил Романов.

— Попробую, но это будет обработанная версия.

— Оригинал сохраните отдельно.

Лебедев создал копию и убрал низкий гул вентиляции. Из шума выступили отдельные звуки: шаги, скрип стула, короткая фраза мужчины.

«...не имя... условие».

Марина узнала голос Соколова не по тембру, а по паузе перед последним словом. Он всегда откладывал термин, пока не убедится, что собеседник уже понял обычные слова.

— Это он, — сказала она и сразу добавила: — По моему впечатлению. Для идентификации недостаточно.

Романов записал формулировку дословно.

Дальше слышался шорох карточек. Илья ничего не произносил. В 02:29 второй канал исчез, а в 02:31 архивный профиль Марины запросил доступ к локальному файлу. Запрос был отклонён: файл оставался открыт устройством.

— Значит, тот, кто вошёл, не забрал запись, — сказал Лебедев.

— Или понял, что её нельзя забрать сразу, — возразил Романов.

В 02:36 поток с браслета тоже перенаправили на ПЕРЕХОД-2. В основном архиве остались только счётчики. В 02:58 локальный файл закрылся штатно, после чего профиль «М. Л.» скачал его на неизвестный узел. В 03:02 камеры вернулись в обычное хранилище.

— Пустой час создали не для того, чтобы ничего не записывать, — сказала Марина. — Его создали, чтобы один человек получил всё.

— Или несколько, — ответил Романов. — Кто имел доступ к ПЕРЕХОДУ-2?

Лебедев развёл руками.

— В действующей схеме — никто.

— А физически?

— Тот, кто войдёт в П-1.

До двадцати трёх сорока оставалось два часа.

Романов распределил людей так, чтобы никто не стоял прямо у двери. Криминалист с копией карты должен был находиться в лестничной клетке. Второй сотрудник нёс браслет в экранированном контейнере. Лебедев наблюдал за сетью из комнаты безопасности. Марина оставалась рядом с ним: её знание протокола требовалось, но к физическим носителям её не допустили.

— Мы не открываем П-1, — повторил Романов. — В двадцать три тридцать девять выводим два сигнала. Смотрим, что делает система. Если дверь разблокируется, не входим до проверки.

— А если назначение ждёт речь Ильи? — спросила Марина.

— У него нет браслета.

— Локальный файл мог содержать голосовой шаблон. «Совместное присутствие» может быть не только двумя идентификаторами.

Лебедев проверил условие задачи.

— Здесь три поля, но третье скрыто. Тип данных обозначен как «С».

— Сеанс, сигнал, слово, — перечислила Марина. — Или согласие.

— Система не умеет определять согласие, — сказал Романов.

— Именно поэтому опасно, когда ей поручают его изображать.

В двадцать три тридцать девять Лебедев включил запись всех сетевых событий. На схеме старого корпуса ПЕРЕХОД-2 оставался серым. Криминалист поднёс чистую карту с идентификатором Марины к считывателю П-1.

Узел загорелся жёлтым.

Второй сотрудник открыл контейнер с браслетом.

Жёлтый сменился белым. На экране появилась надпись: «ОЖИДАНИЕ ФРАЗЫ».

— Не произносить ничего, — приказал Романов по рации.

Марина смотрела на служебные поля. Система запросила файл с контрольной суммой, совпадавшей с локальной записью Ильи за ночной час.

— Ей не нужен живой голос, — сказала она. — Ей нужна сохранённая фраза.

Лебедев нашёл файл в карантине архива, где они оставили копию для анализа. Запрос шёл не к содержимому целиком, а к одиннадцатисекундному отрезку вокруг 02:17.

— Если отдать, дверь откроется, — сказал он.

— Не отдавать, — приказал Романов.

На таймере оставалось сорок секунд. ПЕРЕХОД-2 трижды повторил запрос, затем сам предложил адрес резервной копии. Адрес находился не в старом корпусе, а в кабинете Соколова — терминал С-12.

— Там никого, — сказал Романов. — Кабинет опечатан.

— Терминал выключен, — добавил Лебедев.

И всё же резервная копия ответила.

По сети прошёл короткий звуковой пакет. Лебедев успел перенаправить его в изолированное окно, не позволяя П-1 получить подтверждение. На экране появилась расшифровка:

«Марина сюда не вернётся».

Белый индикатор ПЕРЕХОДА-2 погас. Дверь осталась закрытой. Но в журнале возникло новое событие: «УСЛОВИЕ ЛОЖНО».

— Система оценила фразу? — спросил Романов.

— Нет, — ответила Марина. — Она получила старый результат блока. Для неё ложность — метка прибора, не смысл.

Следующая строка появилась без запроса:

«ОШИБКА ПРИСУТСТВИЯ: М. Л. НЕ ОБНАРУЖЕНА».

Криминалист держал у считывателя точную копию идентификатора. Для двери карта была настоящей. Для скрытого условия — нет.

— Она ждёт не карту, — сказал Лебедев.

Марина почувствовала, как холодеют пальцы.

Год назад в локальном файле сохранились не только голос Ильи и Соколова. В первые минуты сессии она сама произносила контрольные инструкции. Если П-1 сравнивал живой голос с той записью, копии пропуска было недостаточно.

Романов понял раньше, чем она успела объяснить.

— Вы к двери не пойдёте.

— Я могу говорить отсюда. Сеть уже связала комнаты.

— Именно поэтому не будете.

Таймер дошёл до нуля. ПЕРЕХОД-2 отключился. На последней строке журнала остался адрес, куда он перенаправлял наблюдение ночью.

Лебедев раскрыл его до полного имени.

Это был не сервер и не терминал. Адрес принадлежал списанному медицинскому лифту старого корпуса — кабине, которая по документам три года не двигалась.

В 02:11, когда в отражении аптечного холодильника прошёл человек с тёмной сумкой, лифт принял семьдесят пять минут камер и одиннадцать минут речи.

А в 03:01 отправил всё на устройство, зарегистрированное внутри кабины.

Глава 7. Человек в лифте

К списанному лифту вели две лестницы, но Романов перекрыл обе.

До рассвета оставалось меньше часа. Старый корпус стоял без отопления, и металлические перила обжигали ладонь холодом. На площадке между третьим и четвёртым этажами сохранилась выцветшая табличка: «ПАССАЖИРСКИЙ. ГРУЗОПОДЪЁМНОСТЬ 500 КГ». Створки лифта были стянуты цепью, поверх цепи висела бумажная пломба хозяйственной службы с датой трёхлетней давности.

Пломба выглядела целой, пока криминалист не направил на неё боковой свет.

Тогда проступил второй край — тонкая линия клея в двух миллиметрах от первого.

— Снимали и вернули, — сказал Романов.

— Или переклеивали при проверке, — отозвался заведующий хозяйством Жуков. — Этот корпус до сих пор числится резервным. Здесь пожарные ходят.

— Кто ходил в последний раз?

Жуков открыл папку, которую прижимал к груди.

— В мае.

— Тогда почему клей свежий?

Жуков посмотрел на пломбу так, будто она предала его лично.

Марина стояла за жёлтой лентой у лестницы. Романов допустил её к осмотру как специалиста по схеме П-1, но запретил касаться кабины и оборудования. Лебедев рядом держал планшет с изолированной копией ночного сетевого журнала. На схеме ПЕРЕХОД-2 по-прежнему обозначался не сервером, а адресом устройства внутри лифта.

Криминалист перерезал цепь, снял створки с блокировки и вручную развёл их на ширину ладони. За ними не оказалось кабины. В шахте темнел пустой пролёт, а далеко внизу отражал фонарь промасленный металл.

— Кабина на первом, — сказал Жуков. — Она там и была, когда лифт отключили.

Лебедев повернул планшет.

— В три ноль одну устройство отвечало с четвёртого уровня.

— Сетевой адрес не умеет ездить.

— Кабина умеет.

Жуков начал объяснять, что без тягового двигателя это невозможно, но Романов остановил его жестом. Из машинного помещения уже сообщили: главный рубильник опломбирован, питание снято, барабан зафиксирован. Инспектор потребовал открыть нижнюю дверь и осмотреть кабину там, где она стояла сейчас.

На первом этаже воздух пах водой и старой известью. Дверь лифта здесь была прикрыта листом фанеры. Пломбы не имелось — только четыре самореза, причём на двух шлицы оказались свежими.

Когда фанеру сняли, фонарь выхватил кабину, застывшую на полметра ниже пола. Внутри лежали обрывки кабеля, пустая канистра и сложенный брезент. На стене вместо панели кнопок зияло прямоугольное отверстие.

Романов осматривал всё молча. Криминалист спустил в кабину камеру на штанге, снял потолок, пол, направляющие, затем разрешил открыть дверь шире. Первым внутрь вошёл он сам, за ним — Романов. Марина видела только их плечи и белые круги фонарей.

— Здесь, — сказал криминалист.

За брезентом на задней стене обнаружилась металлическая коробка размером с аптечку. Она была закреплена магнитами, а не винтами. Из коробки уходили два провода: один в шахту, второй — к маленькой рамочной антенне под потолком кабины.

Лебедев присел у порога, не переступая его.

— Самодельный ретранслятор. Промышленный накопитель, сетевой модуль, аккумулятор. Его можно поставить за пять минут.

— Снять за сколько?

— За одну.

— Почему не сняли?

Лебедев увеличил фотографию коробки.

— Возможно, хотели, чтобы мы нашли.

Марина посмотрела на пустое место панели. Края прямоугольного отверстия были покрыты старой пылью, но ниже на нержавеющей стали тянулась чистая вертикальная полоса. Что-то узкое прислоняли к стене после того, как кабину вывели из эксплуатации.

— Сумка, — сказала она.

Романов обернулся.

— Что?

— На отражении человек нёс тёмную сумку. Здесь чистая полоса, а внизу дуга. Предмет ставили вертикально и разворачивали на полу.

Криминалист сфотографировал след с масштабной линейкой.

— Мог быть жёсткий кофр. Примерно шестьдесят на тридцать.

В коробке нашли накопитель, но не тот, которого ожидал Лебедев. Его объёма хватало лишь на служебные таблицы и несколько минут звука. Семьдесят пять минут видео здесь не помещались.

— ПЕРЕХОД-2 не хранил поток, — сказал он после осмотра разёмов. — Только перенаправлял дальше.

— Куда?

— Таблица назначения очищена. Но есть очередь недоставленных пакетов. Последний адрес заканчивался на сорок семь.

— Это нам что-нибудь даёт?

— Внутри Центра адреса выдаются по подразделениям. Сороковые — переносное оборудование.

Криминалист вынул из щели под аккумулятором тонкую пластиковую пластину. Это была не карта памяти, а обломок бирки с двумя печатными буквами: «ЛА». На обороте осталась полоса бурого клея.

Жуков сразу сказал:

— Лаборатория.

Марина покачала головой.

— На наших бирках пишут «РЛ» — речевая лаборатория.

— Тогда палата?

— Или фамилия, — сказал Романов. — Не дополняйте находку догадками.

Внутри кабины обнаружили ещё три следа. На полу — мелкий белый порошок, похожий на строительную пыль. На рамке двери — короткое синее волокно. На боковой стене — смазанный отпечаток ладони в прозрачном геле. Всё упаковали отдельно.

Самым странным оказался лифтовой трос. Кабина действительно не могла подняться: механический фиксатор в машинном помещении не снимали. Но устройство в три ноль одну отвечало с четвёртого уровня не потому, что двигалась кабина. По шахте шёл старый сервисный кабель. В распределительной коробке каждого этажа можно было подключить антенну к одной и той же линии, а система называла местоположение по ближайшему узлу.

На четвёртом этаже нашли второй магнитный крепёж — пустой.

— Коробку перенесли вниз после трёх ноль одной, — заключил Лебедев. — Ночью она была здесь. Потом кто-то снял её через дверь четвёртого этажа, спустился и поставил в кабину на первом.

— Зачем?

— Чтобы мы решили, будто лифт ездил. Или чтобы устройство не нашли сразу у П-1.

Романов сверил время доступа. Электронного замка в старом корпусе не было, журналы не помогали. Но перенести коробку мог только тот, кто знал о начале полицейского осмотра или заранее предполагал его.

— Человек в халате, — сказал он. — И второй, от которого была видна рука. И тот, кто перенёс коробку. Это могут быть трое, двое или один человек, которого мы размножили следами.

— И ни один из них не обязан быть тем, кого видел Илья, — сказала Марина.

Романов посмотрел на неё долгим недовольным взглядом.

— Но он видел ночного посетителя.

— Мы знаем, что рядом с его передатчиком появился второй канал. Не знаем, видел ли он лицо. Не знаем, был ли посетитель один. Не знаем, кого он считает посетителем: того, кто вошёл, того, кто говорил или того, кто пришёл последним.

— Поэтому вы зададите вопросы правильно.

— Если он согласится.

— Поэтому сначала спросим согласие правильно.

В палату Ильи они вернулись после шести утра. Крылова ещё не сменилась. Она сидела у стены, держа на коленях красную карточку, а Илья спал поверх одеяла в одежде. Передатчик с царапиной лежал на тумбочке, отключённый.

Крылова поднялась.

— Он просыпался в четыре. Я сказала, что новых вопросов без его решения не будет.

Романов остановился у двери.

— Так и будет.

Он не велел будить Илью. Они ждали в коридоре сорок минут. За это время Лебедев составил список признаков из аптечного видео и осмотра: светлая длинная одежда, тёмный жёсткий предмет, доступ к старому корпусу, знание сетевой схемы, возможное присутствие второго человека. Марина вычеркнула слово «халат» и заменила его на «светлая одежда ниже бедра».

— Вы хотите спросить у него, был ли человек врачом, — сказала она. — Но это уже категория, которой он мог не пользоваться.

— В Центре халаты носят врачи.

Крылова, услышав, поправила:

— В ночную смену светлые халаты ещё у процедурных сестёр, санитаров из стерилизационной и инженера чистых помещений. У Лебедева серый, но в аптечной камере серый мог выглядеть белым.

Лебедев посмотрел на свой рукав.

— Спасибо.

— Это не обвинение.

— От этого не легче.

Когда Илья проснулся, Крылова вошла одна. Она открыла шторы, принесла воду и положила перед ним две карточки: красную и белую. На белой Марина крупно написала: «ГОТОВ ОБСУДИТЬ ПРАВИЛА». Илья прочёл обе, выпил воду и коснулся белой.

Только после этого в палату вошла Марина. Романов остался за стеклом вместе с Крыловой; звук из комнаты шёл наружу, но его микрофон был отключён. Илья мог остановить разговор красной карточкой в любой момент.

Передатчик он взял сам. Проверил царапину ногтем, приложил датчики и дождался зелёного индикатора.

Марина не начинала с ночи.

— Я предложу один способ разговора. Сначала объясню его. Вы ничего не обязаны говорить. Если способ вам не подходит, положите красную карточку на передатчик.

Илья смотрел на неё, не двигаясь.

— Я не буду спрашивать: «Кто приходил?» Это вынуждает вас выбрать имя и позволяет нам притвориться, будто любая ложь указывает на противоположного человека. Вместо этого я буду предлагать признаки. Каждый признак относится только к одной заранее названной категории: внешность, одежда, роль, действие, время. Если фраза пройдёт, мы запишем только то, что вы считаете её ложной. Не будем автоматически записывать обратное. После каждой фразы вы сможете остановиться. Согласие на один ответ не означает согласия на следующий.

Она положила рядом третью карточку, синюю: «ПРОДОЛЖИТЬ».

— Если правила понятны и вы хотите попробовать одну фразу, коснитесь синей. Если нет — красной.

Илья долго смотрел на синюю карточку. Потом подвинул её к передатчику.

Марина начала с калибровки, которая не касалась посетителя. Показала чёрный карандаш.

— Этот предмет белый.

— Этот предмет белый, — без задержки повторил Илья.

На экране появилась метка прохождения: высказывание считалось им ложным.

— Этот предмет чёрный.

Горло Ильи напряглось. Звука не было. Блок сработал до первого слога.

Марина повернула лист так, чтобы Романов видел запись: «Калибровка сохранена. Названия цветов различает в текущем освещении».

Первую фразу о ночи она напечатала и дала Илье прочитать до произнесения:

«Человек, чей голос появился рядом с вами после 02:17, был женщиной».

Илья прочёл, посмотрел на Марину и сказал:

— Человек, чей голос появился рядом со мной после двух семнадцати, был женщиной.

Фраза прошла.

За стеклом Романов сразу записал «мужчина». Марина подняла ладонь и дождалась, пока он зачеркнёт слово.

Она написала: «Илья считает ложным, что человек был женщиной». Это исключало только категорию «женщина» в понимании Ильи. Он мог не знать пола, мог считать слово «человек» относящимся к другому участнику, мог ошибаться.

Следующая фраза:

«Этот человек был мужчиной».

Илья начал вдох, но передатчик заблокировал речь.

Теперь Марина записала: «Илья считает истинным: человек был мужчиной». Не потому, что первая ложь означала мужчину, а потому, что отдельное прямое утверждение не прошло.

Синяя карточка осталась рядом с его рукой.

— Хотите продолжить?

Илья коснулся её.

В категории роста Марина избегала слов «высокий» и «низкий». На стене палаты была ростовая шкала. Она обозначила три диапазона: ниже ста семидесяти, от ста семидесяти до ста восьмидесяти пяти, выше ста восьмидесяти пяти. Илья свободно произнёс две фразы: что мужчина был ниже ста семидесяти и что он был выше ста восьмидесяти пяти. Обе прошли как ложные.

Фразу о среднем диапазоне устройство заблокировало.

Романов написал на стекле маркером: «170–185».

Марина кивнула. Здесь категории были исчерпывающими и не пересекались, а Илья подтвердил границы глазами до теста. Вывод был допустим.

С одеждой оказалось сложнее.

— На нём была белая одежда, — произнёс Илья без помех.

Ложь. Но когда Марина заменила «белая» на «светлая», блок тоже не сработал: Илья считал ложными обе фразы.

Романов постучал по стеклу и показал на изображение из аптеки. Марина покачала головой. Камера могла исказить цвет, но ответ Ильи относился к тому, что видел он сам.

— На нём была тёмная одежда.

Передачик заблокировал фразу.

В отражении они приняли светлый халат за одежду посетителя, а Илья считал его одежду тёмной. Значит, либо камера показывала другого человека, либо светлым был не халат.

Марина предложила категории предметов отдельно.

«Он принёс с собой сумку» — фраза прошла как ложная.

«Он принёс с собой контейнер для оборудования» — тоже прошла.

«Он принёс с собой одежду» — блок.

Романов нахмурился. Тёмный предмет в отражении мог быть сложенной курткой или защитным чехлом, который Илья относил к одежде. Марина записала только: «По убеждению Ильи, принесённый предмет — одежда; не сумка и не контейнер для оборудования в предложенных значениях».

Категория роли дала первый неожиданный результат.

Илья свободно произнёс: «Этот мужчина лечил меня» и «Этот мужчина охранял меня». Обе фразы он считал ложными. Фраза «Этот мужчина ремонтировал оборудование» была заблокирована.

Лебедев за стеклом поднял голову.

Марина не позволила Романову сразу написать «инженер». Ремонтировать оборудование мог врач, техник, пациент или человек, который однажды поправил контакт.

Она уточнила время:

— В ту ночь этот мужчина ремонтировал устройство в вашей палате.

Фраза прошла как ложная.

— До той ночи этот мужчина ремонтировал устройство, которым вы пользовались.

Блок.

Не ночной ремонт, а знакомое Илье прошлое действие.

Марина предложила фамилии только после перерыва. Илья выпил воды, снял датчик с виска и две минуты смотрел в окно. Красную карточку он не поднимал, но Марина снова спросила разрешение на смену категории. Он коснулся синей.

Список строили не из всех сотрудников Центра. Романов передал ей восемь фамилий людей, которые имели документированный доступ к речевому оборудованию за последний год и рост от ста семидесяти до ста восьмидесяти пяти. Среди них были Лебедев, двое дежурных техников, Громов, Соколов, заведующий хозяйством Жуков, инженер стерилизационной Павел Рудин и бывший подрядчик Антон Ланской.

Марина отказалась задавать восемь вопросов «Это был не...». Такая серия превратила бы человека в переборный механизм, а ошибку узнавания — в обвинение.

Вместо этого она разделила список на непересекающиеся категории, которые Илья мог понимать без фамилий.

— В момент вашего знакомства этот человек был сотрудником Центра.

Фраза прошла как ложная.

— В момент вашего знакомства этот человек работал по временному договору и не был сотрудником Центра.

Передачик заблокировал речь.

Из восьми осталось двое бывших подрядчиков и один внешний инженер, которого Центр нанимал через поставщика. Но Марина остановила процедуру, когда Романов передал новый лист с их именами.

— Мы получили категорию, — сказала она через стекло. — Илья не соглашался опознавать конкретного человека.

Романов включил свой микрофон впервые за весь разговор.

— Тогда спросите, согласен ли он посмотреть на три фотографии.

— Нет.

— Почему?

— Потому что фотографии уже сообщают ему, кого мы подозреваем. Следующие ответы будут зависеть от нового знания. Сначала проверим независимые признаки.

Романов выключил микрофон так резко, что щёлкнул динамик.

О трёх людях собрали сведения вне палаты.

Антон Ланской устанавливал раннюю версию речевых передатчиков и ушёл из проекта после конфликта с Громовым. Рост — сто восемьдесят два. Его пропуск аннулирован, но старый корпус он знал.

Павел Рудин официально числился инженером стерилизационной компании, хотя последние два года работал в Центре почти постоянно. Рост — сто семьдесят шесть. В ночь исчезновения он отметил выезд в 00:40, однако шлагбаум открылся по номеру его машины только в 03:18.

Третьим оказался не инженер, а водитель поставщика Сергей Ладов. Год назад он привозил стойки нейростимуляции и помогал техникам менять разъёмы, когда Илья уже проходил процедуры. Рост — сто семьдесят девять. Его фамилия начиналась теми же буквами, что обломок бирки: «ЛА».

— Ладов, Ланской, — сказал Романов. — Бирка подходит двоим.

— Если это вообще фамилия, — напомнила Марина.

— Рудин задержался до трёх восемнадцати. Ланской знает старую систему. Ладов совпадает с биркой. Красиво распределилось.

— Слишком красиво.

Романов сложил три справки веером.

— Илья может исключить двоих.

— Может. Но тогда мы снова используем его как устройство, хотя обещали обсуждать каждую категорию. Он согласился описывать признаки, а не выбирать виновного.

— Я ищу пропавшего человека.

— А я стараюсь не получить от свидетеля ответ, который мы сами вложили в вопрос.

Из палаты донёсся одиночный стук. Илья положил синюю карточку на стекло со своей стороны, затем указал на лист с категориями. Он слышал спор через неплотную дверь, хотя слов разобрать не мог.

Марина вошла к нему одна.

Илья снял передатчик и подвинул к ней блокнот. Писать он мог, но после процедур избегал письма: Громов включал его в оценку речевого поведения. Теперь Илья медленно вывел три цифры:

«3».

Ниже — «не имя».

Потом обвёл синюю карточку.

Марина не стала толковать запись за него. Она принесла подготовленный лист с тремя строками:

«Я согласен продолжить описание признаков».

«Я согласен выбирать человека из предложенных имён».

«Я не согласен продолжать».

Илья поставил отметку напротив первой.

— Только признаки, — сказала Марина, чтобы Романов услышал. — И не больше трёх новых фраз без нового согласия.

Первый признак касался голоса. Ланской говорил с заметным южным произношением, Рудин — тихо и быстро, Ладов после операции на гортани слегка хрипел. Марина не называла людей.

— У мужчины был хриплый голос.

Илья произнёс фразу. Она прошла как ложная.

— Мужчина говорил быстро.

Тоже ложь.

— Мужчина растягивал безударные гласные.

Илья закрыл глаза. Передатчик зарегистрировал попытку, но не заблокировал и не пропустил её: выдох оборвался до слова.

Он положил красную карточку на датчик.

Разговор закончился.

Романов не получил имени. Зато две независимые категории сузили круг честнее фотографии. Посетитель, по убеждению Ильи, был мужчиной ростом от ста семидесяти до ста восьмидесяти пяти, в тёмной одежде, принёс предмет, который Илья считал одеждой, раньше ремонтировал его устройство, познакомился с ним как временный внешний работник, не говорил хрипло и не говорил быстро.

Ладов отпадал по хрипоте, если Илья слышал именно ночного мужчину. Рудин отпадал по быстрой речи, если описание относилось к обычной манере, а не к одной фразе. Ланской оставался, но третий ответ не состоялся и не мог считаться подтверждением.

— Три возможных человека, — сказала Марина. — Не один. Ланской по совокупности ближе, Рудин и Ладов противоречат одному признаку каждый. Противоречие может быть ошибкой восприятия. Проверять нужно всех троих.

Романов убрал фотографии в папку.

— Наконец-то вы сказали что-то, с чем можно работать.

— Я говорила это с самого начала. Ложь задаёт границу, а не стрелку.

Лебедев принёс ещё одну распечатку. Пока шёл разговор, он проверил адреса переносного оборудования. Окончание «47» принадлежало диагностическому чемодану ранней серии. Такой чемодан был один. Его списали после обновления передатчиков и передали подрядчику на утилизацию.

В акте приёма стояла подпись Антона Ланского.

Но датой акта был день после его официального увольнения.

А в графе «сдал» стояла фамилия доктора Соколова.

Марина вспомнила фрагмент ночного голоса: «...не имя... условие».

Соколов мог предупреждать Илью не называть человека. Мог объяснять, что важна не фамилия, а условие доступа. Или просить его сохранить именно эту границу до появления того, кто не превратит ответы в перебор.

На обороте акта Лебедев нашёл номер внутреннего заказа. Первые две буквы совпадали с обломком бирки из лифта, но означали не фамилию.

«ЛА» расшифровывалось как «лабораторный архив».

Диагностический чемодан, который все приняли бы за сумку, был оформлен как архив, хотя предназначался для переноса оборудования.

Илья назвал принесённый предмет одеждой.

Романов снова посмотрел на кадр из аптеки. Светлая длинная фигура и тёмный прямоугольник могли быть одним объектом: раскрытым защитным чехлом, наброшенным на плечи

человека. Тогда одежда была тёмной, а светлая поверхность принадлежала внутренней подкладке.

— В отражении мы склеили человека и предмет, — сказал он.

— Так же легко, как имя и роль, — ответила Марина.

В этот момент телефон Романова завибрировал. Дежурный проверил адрес Ланского. Квартира была пуста, соседи не видели его двое суток. Машина стояла у дома, телефон отключился вчера в 01:39 — за восемь минут до перенаправления камер.

Рудин находился в комнате персонала Центра и уже давал объяснение. Ладов вышел на рейс в другой город, но его машина ещё не покинула промышленную зону.

Романов распорядился установить местонахождение всех троих, не называя никого подозреваемым.

Когда он закончил, Илья постучал в стекло ещё раз. Красная карточка лежала перед ним. Рядом он положил белый лист и написал одно слово:

«Цена».

Не имя человека. Не место Соколова.

Марина поняла, что следующий вопрос Ильи относится не к тому, кого они ищут, а к тому, что случится с Центром, если они найдут доказательства.

Глава 8. Цена программы

Слово осталось на листе, когда Илью увели на обязательный перерыв.

Цена.

Романов сфотографировал запись, но не стал забирать оригинал. Красная карточка лежала поверх блокнота, и Марина восприняла это как границу: Илья сообщил ровно столько, сколько хотел. Всё остальное им предстояло выяснять без него.

— Цена чего? — спросил Романов уже в коридоре.

— Если бы он хотел уточнить, написал бы второе слово.

— Или не смог бы.

— Письмо не блокируется передатчиком.

— Зато блокируется страхом перед Громовым.

Марина не ответила. Это было ближе к правде, чем ей хотелось.

Романов разложил на подоконнике три справки. Он больше не держал их веером, словно участников дешёвого опознания. Теперь у каждого имени появилась отдельная проверка.

По Рудину запросили выгрузку шлагбаума, журнал стерилизационной и данные служебного браслета. Его машина действительно покинула территорию в 03:18, но сам он утверждал, что после отметки о выезде в 00:40 уснул в комнате персонала. Пропуск Ладова прошёл через складской турникет на промышленной зоне в 02:56; водитель мог не уезжать из города, однако его маршрут не пересекался с Центром. По Ланскому оставались пустая квартира, отключённый телефон и диагностический чемодан, который официально был утилизирован после передачи ему.

— Независимо, — сказал Романов. — Без новых вопросов Илье. Рудина опрашивает мой сотрудник. Ладова остановят на выезде из промзоны. По Ланскому проверяют камеры двора, банковские операции и старые адреса. А мы смотрим архив.

Последнюю фразу услышал Громов.

Он вышел из-за поворота не спеша, будто ждал удобной реплики. Галстук исчез, верхняя пуговица рубашки была расстёгнута, но усталость делала его не мягче, а точнее.

— Какой архив?

— Лабораторный, — ответил Романов. — Внутренний заказ ЛА-сорок семь. Диагностический чемодан ранней серии.

Громов на секунду посмотрел на Марину. Не удивился названию. Удивился тому, что оно стало известно полиции.

— Это не архив в обычном смысле. Набор для выездной калибровки.

— Тогда почему в акте написано «лабораторный архив»?

— Потому что бухгалтерия не умеет списывать исследовательские данные отдельно от оборудования.

— Отлично. Покажете данные отдельно от оборудования.

Громов встал между ними и дверью административного крыла. Не перекрыл проход физически — оставил ровно столько пространства, чтобы препятствие выглядело случайностью.

— Капитан, прежде чем вы откроете хранилище, я обязан предупредить о последствиях. Там персональные медицинские сведения, необезличенные речевые записи и ключи к действующим устройствам. Изъятие серверов остановит процедуры.

— Я не говорил об изъятии серверов.

— Доступ к архиву даст тот же результат. Наш надзорный партнёр приостановит программу, если узнает о несанкционированном просмотре.

— А если узнает об исчезновении врача и списанном устройстве, которое ночью передавало данные?

— Тогда Центр закроют.

Громов произнёс это без повышения голоса. За дверью палаты щёлкнула защёлка; санитарка везла тележку с завтраком, и металлические крышки дребезжали на стыках линолеума. Обычный звук сделал угрозу убедительнее.

— Не меня одного уволят, — продолжил Громов. — Восемнадцать пациентов лишатся ежедневной настройки коммуникационных систем. Семеро не смогут дома вызвать помощь без адаптированных панелей. У троих семьи отказались забирать их до окончания курса. Вы получите доступ к папке, а они — койку в общем отделении за сто километров отсюда. Если повезёт.

Романов убрал справки в планшет.

— Это вы сейчас препятствуете проверке или проводите экскурсию по совести?

— Я сообщаю соразмерную цену вашего решения.

— Решение принимает следствие.

— А цену заплатят люди, которых вы не спросите.

Марина знала эту интонацию. Год назад Громов так же объяснял ей, почему нельзя останавливать контрольную серию после первого сбоя Ильи. Не приказ. Не просьба. Перечень чужих потерь, который превращал отказ в личную жестокость.

Тогда она осталась.

Теперь дверь палаты напротив открылась, и Крылова вывела женщину лет пятидесяти в сером спортивном костюме. Женщина управляла креслом короткими движениями подбородка по сенсору. На подлокотнике светились четыре крупные кнопки: вода, боль, позвать, стоп. Увидев Громова, она задержала подбородок на кнопке «стоп». Кресло замерло.

Крылова наклонилась к ней:

— Валентина, всё хорошо?

Женщина перевела курсор на «позвать». Синтезированный голос произнёс:

— Марину.

Громов отступил от двери.

Марина подошла. Валентина пользовалась старой версией панели, которую дома никто не мог обслуживать. При дрожании головы курсор срывался на соседние команды; два месяца назад Марина добавила задержку подтверждения, но настройка хранилась на сервере Центра и сбрасывалась после каждого обновления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.